

Евгений СУХОВ

КОНЕЦ ТАЕЖНОЙ БАНДЫ

ЭКСМО

Деньги на стол, господа!

Евгений Сухов

Конец таежной банды

«ЭКСМО»

2012

Сухов Е. Е.

Конец таежной банды / Е. Е. Сухов — «Эксмо», 2012 — (Деньги на стол, господа!)

Юная Евдокия Дубова скрылась в сибирской тайге от преследований советской власти и там сколотила банду из числа мужиков, сбежавших от репрессий. Банда проводит лихие налеты, грабит все, что оказывается на ее пути, чем наводит жуткий страх на представителей новой власти. На подавление преступников брошены чекисты, милиция, китайские наемники. Но отряд атаманши – крепкий орешек. К тому же бунтарям очень нужно добраться до потайной пещеры, в которой со времен Гражданской войны хранятся несметные сокровища...

© Сухов Е. Е., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

1	5
2	18
3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Евгений Сухов

Конец таежной банды

1

Из черного зева тоннеля, прорубленного в скале, выскочила белка. Зверек замер, остановившись у шпалы на насыпи из кусков шлака. Белка почувствовала опасность. Рельсы едва заметно вибрировали, но не это заставило зверька замереть, а десятки взглядов, направленных на него из сумрака векового хвойного леса, окружавшего железную дорогу. На небе плыли клочковатые серые облака. Солнце мелькало в разрывах и тут же пряталось, временами начинал накрапывать дождь. Шорох в густом подлеске заставил белку стрелой метнуться через железную дорогу и скрыться на противоположной стороне – там, где начинался настоящий бурелом. А рельсы тем временем уже гудели вовсю. Вибрация от них передавалась насыпи. И вот из-за поворота появился локомотив, тащивший десяток крытых товарных вагонов, два новых изотермических вагона и почтовый спецвагон, охранявшийся четырьмя красноармейцами. Сразу за тендером шла теплушка с охраной. Котел, окрашенный черной краской, украшала красная звезда. Черный с сизым дым клубами валил из трубы и опускался сзади на дорогу, окутывая пеленой весь состав. Паровая машина на подъеме замедляла ход.

И только люди, наблюдавшие за всем происходящим из кустов, знали, что произойдет дальше. Паровоз буфером подцепил мину, установленную на железнодорожном полотне, и втащил ее в тоннель. Спустя несколько секунд грянул взрыв, потрясший молчаливую тайгу. Следом взорвался котел. С гор полетели камни. Справа от тоннеля старая поросшая травой осыпь разом сползла вниз, перевернув легкую бронеплощадку с 107 – мм пушкой и пулеметами. Следующий вагон сошел с рельсов и уткнулся в склон. Еще один налетел на бронеплощадку и буквально развалился от удара. Волна пламени выплеснулась из входа в тоннель, а следом по пыляющим обломкам прошелся перегретый пар. В какие-то мгновения почти вся охрана поезда была уничтожена, а те, что выжили, были настолько изранены, что не смогли оказать сопротивления высыпавшим из леса бандитам. Лишь в почтовом вагоне уцелели четверо красноармейцев. Двое из них, спрыгнув на землю, залегли на насыпи под вагоном, а двое других забаррикадировались в самом вагоне. Гарцевавший на буланом жеребце косматый налетчик выстрелил из обреза и тут же получил в ответ пулю в лоб, выронил оружие, а затем свалился под ноги лошади, точно мешок. Еще две пули настигли бандитов – Олоко и Елдана – из числа местных манси. Бывалые охотники скатились по насыпи, да так и остались лежать неподвижно.

У подножия склона горы из зарослей папоротника вышла белокурая девушка лет двадцати, одетая на мужской манер. Светлые волосы растрепались по плечам. В ее сильном волевом лице было все же что-то детское – вздернутый нос, веснушки, но взгляд серых глаз был не по годам жестким и цепким. Один только этот взгляд заставлял собеседника понять, что девушка далеко не ребенок и повидала столько, что на двух взрослых бы хватило. Звали ее Евдокией Дубовой.

Еще недавно ее отец владел несколькими чугунолитейными заводами на Среднем Урале. Когда свершилась революция и красные подошли к городу, он вместе с семьей и верными людьми ушел в леса, надеясь переждать смутное время, а затем как ни в чем не бывало вернуться к своим занятиям. Большевиков он считал явлением временным и надеялся, что не сегодня завтра они перестреляют друг друга, и все вернется на круги своя. Но вышло все иначе. Армия Колчака была разгромлена, а советская власть постепенно утвердилась по всей Сибири.

В лес к отцу Евдокии стягивались все обиженные, обездоленные и недовольные новыми порядками. Людей становилось все больше, а продовольствия все меньше. И тогда они стали грабить проходящие мимо поезда, окончательно поставив себя вне закона по отношению к новой власти. Это не осталось незамеченным. Против банды бросили регулярные части Красной армии. Был жестокий бой, огромные потери с обеих сторон. Банда была разбита превосходящими силами красных. Отец с горсткой людей все же успел уйти в непролазную тайгу. Именно в том бою шальная пуля скосила мать Евдокии, а ее сестра пропала. Спустя два месяца отец поехал в село навестить родственников и нарвался на отряд красных, оказал яростное сопротивление и был убит. Выросшая в лесу и обученная всему отцом, Евдокия, по настоянию большинства соратников отца, стала во главе банды. А люди все продолжали и продолжали бежать в лес от репрессий, коллективизации и красного террора. И не было этому конца.

Поджав губы, Евдокия наблюдала за происходящим через бинокль. Из-за ее спины вышли трое мужчин. Один по-военному подтянутый. На вид лет пятьдесят, с маленькими усиками, одетый в кожанку и кожаную фуражку, какие носили комиссары, галифе и хромовые сапоги, начищенные до блеска. В недавнем прошлом Влас Пакин был офицером царской армии. Командный голос, решительность и манеры – все выдавало в нем вояку старой закалки. Лишь в последние годы ему удалось избавиться от привычки прижимать к бедру саблю при ходьбе, тем более что и сабли-то никакой у него давно не было. Второй мужчина был на голову выше Пакина и шире. Рыхлый, с небольшим брюшком и бородой, он напоминал помещика. Однако помещиком Патрикей Евлампиевич не являлся, а был не так давно приказчиком в поместье отца девушки, стоявшей перед ними. Последний из мужчин был на голову выше остальных и настолько мощный, что, казалось, мог переломить человека пополам голыми руками. Одетый в простую льняную рубаху и заросший волосами, он напоминал медведя. По возрасту он был не намного старше девушки, но сразу определить это было невозможно. От рождения Емельян был немым и мог только мычать да выдавать непонятные звуки. Немота компенсировалась у него невероятной физической силой. Кроме того, парень был достаточно смышленным и усердным, поэтому Патрикей определил его телохранителем их предводительницы.

Все трое были хорошо вооружены. У Власа Пакина два пистолета и нож за голенищем сапога. У Патрикея «маузер» за поясом и винтовка. У Емельяна также два пистолета, винтовка и две гранаты. Мужчины молчали. Первой заговорила девушка:

– Плохо все получилось. Надо было лучше готовиться. Четверых наших убили. Расслабились совсем.

– Кто ж знал, что поезд будет так охраняться, – пробормотал Влас Пакин, – если бы бронеплощадку не снесло, то совсем плохо бы было.

– Шаман вообще сказал, что все пройдет гладко, а мы получим большой куш, – усмехнулся Патрикей.

– С каких это пор ты веришь во всю эту чертовщину? – огрызнулась девушка, не отрывая глаз от поля боя.

В этот момент лихой парень, бывший каторжник, которого все называли Серым, слетел с подстреленной лошади на землю перед почтовым вагоном и сумел на ходу метнуть под вагон гранату. Грянул взрыв, и стрелки под вагоном замолчали. Серый встал, выхватил из-за пояса «наган» и кинулся проверять обстановку. Прозвучало еще несколько выстрелов. Это бандиты добивали раненых красноармейцев у развороченной теплушки. К Серому подскочили еще пятеро бандитов. Они окружили почтовый вагон.

– Эй, выходите, а то запалим, – весело прокричал Серый, обращаясь к находившимся внутри бойцам. – Выходите, оставим жизнь.

Однако Серый лукавил, ему нравилось убивать. С каторги его освободили красные. Он примкнул к отряду красноармейцев и куролесил с ними всю Гражданскую. Потом война закончилась, и уже больше нельзя было стрелять и резать всех направо и налево без разбору, как раньше. Серый зарвался, пристрелил и ограбил родственницу партийного работника. Его арестовали, объявили шпионом и вредителем. Только Серый не стал дожидаться суда, а сбежал прямо из неприступного подвала управления НКВД. Затем скитался по лесам, пока не примкнул к банде. Новым соратникам он рассказал трогательную историю о том, как несправедливо с ним обошлись красные. Изобразил из себя чуть ли не мученика, пострадавшего за правое дело.

– А он хорош, – бросила, ни к кому конкретно не обращаясь, атаманша с улыбкой.

– Висельник, – недовольно проворчал Влас Пакин, поправляя привычным движением усы, – таким людям нельзя доверять. Продаст ни за грош. Запомни, Евдокия.

– Да ладно тебе, – усмехнулась девушка беззаботно, – кто ж ему даст продать-то? Не успеет. А дело делает справно, одно загляденье.

– Однако надо бы уходить. Не ровен час, нагрянут комиссары. Брать, что можно, и уходить, – пробормотал осторожный Патрикей, хмурясь.

– Смотри, – воскликнула радостно Евдокия, заметив, как открывается дверь почтового вагона, – струсили краснопузые, сдаются, думают, что мы их пожалеем!

Но «краснопузые» сдаваться не собирались. За открывшейся дверью стоял «максим». Пулеметчик дал очередь по бандитам, и лишь феноменальная реакция спасла Серого от смерти. Он не рванулся назад, как все остальные, а прыгнул вперед, упал на землю и закатился под вагон, по пути выстрелив в красноармейца, который открывал дверь. Пуля угодила тому в висок, и солдат рухнул на землю недалеко от Серого. Тем временем пулеметчик косил бандитов точно траву. Те стреляли в ответ, но попасть не могли. Пулемет стоял выше линии огня, а стрелявшего защищал металлический щиток «максима». Евдокия насчитала шесть трупов своих подчиненных и, обернувшись к Патрикее с горящими глазами, крикнула:

– Винтовку!

– Слишком далеко, – осторожно заметил бывший приказчик, но винтовку все равно протянул.

Евдокия передернула затвор, быстро прицелилась и выстрелила. Пулемет смолк.

– Н-да, – протянул пораженный Пакин. Он знал, что атаманша исключительно метко стреляет, но не представлял насколько. Не многие из профессиональных охотников могли похвастаться такой меткостью.

Обрадованный Серый выбрался из-под вагона, заглянул внутрь и издал воинственный клич, полный радости. Оставшиеся бандиты мигом приступили к разграблению поезда.

– Надо распорядиться, чтобы убитых убрали, – задумчиво бросила Евдокия Пакину, – и людей надо еще собрать. Пусть из крепости все сюда едут. Улов слишком богат. Надо забрать все. Неизвестно, когда в следующий раз еще так повезет.

– Сейчас все сделаем, – заверил Влас Пакин.

– А я съезжу за подмогой, – кивнул Патрикей и добавил язвительно: – Вот будет потеха посмотреть на морду нашего старика. Наболтал. Как теперь будет объяснять? Скажет, верно, что ему злые духи помешали рассмотреть всю картину.

– Да, Патрикей, все так и было, – раздался позади них негромкий голос. Все вздрогнули. Шаман всегда появлялся бесшумно, как привидение. Однако в этом не было ничего таинственного. Зимой и летом Чухпелек Томыспаев носил меховые сапоги с подошвами из лосиной кожи. Если умеешь ходить по лесу, то в таких сапогах быть бесшумным не такое уж хитрое дело. Откинув капюшон малицы, Чухпелек посмотрел на всех своими хитрыми раскосыми глазами и добавил: – Кто-то из ваших людей убил большого зверя и его дух так отомстил нам, затуманив мне глаза.

– Ну, мы не сомневались, что ты всегда найдешь ответ, – хмыкнул Влас Пакин, косясь на старинное копьё, которое шаман всегда таскал с собой, утверждая, что именно им он поразил однажды лесного человека на склоне священной горы. – А что, тебе эта палка не помогла? Она ведь вроде волшебная.

Старик только махнул рукой, всем своим видом показывая, что он не собирается вести пустые разговоры с недостойными, и пошел вниз по склону. Несмотря на семидесятилетний возраст, шаман двигался проворно, точно молодой скакал с камня на камень. Как тут, глядя на него, не поверишь в какие-то тайные силы и колдовство. Евдокия с Пакиным и Емельяном двинулись вниз следом за шаманом. Предстояло оценить груз поезда и понять, что с ним делать.

В почтовом вагоне обнаружился сейф. Именно его охраняли убитые красноармейцы. Серый присел перед стальным шкафом, бегло осмотрел замки, и его губы тронула улыбка. Ничего проще он в жизни не видел. Из кусков проволоки он тут же смастерил отмычку, вскрыл ею английский замок, а кодовый замок открыл так, без всяких приспособлений, на слух вращая вернер и улавливая щелчки механизма. Остальные бандиты, собравшиеся вокруг него, смотрели на действия Серого, как на колдовство. Внутри сейфа на полках лежали аккуратно сложенные пачки новеньких хрустящих червонцев.

– Эгей, живем, братцы, – с восторгом воскликнул Серый, перебирая деньги, и приказал сопевшему рядом рыжему вихрастому парню: – Колян, а ну вытряхни из мешков макулатуру. Две штуки хватит.

Вихрастый вывалил из двух мешков почту прямо на пол вагона, а затем подал мешки Серому. Тот велел помогать. В два счета они выгрузили всю наличность из сейфа в мешки. Серый завязал мешки и вышел с ними навстречу атаманше, хвастать добычей.

– Смотрите, тут куча денег, – воскликнул он, гордо встав в дверном проеме почтового вагона, – делим по справедливости...

– А то как же, – поддакнула ему Евдокия, осаживая норовившего повернуть от клубившегося вдоль путей едкого дыма жеребца. Выстрелов и взрывов Мрак не боялся, а вот дыма не любил, так как один раз оказался закрытым в горячей конюшне и едва смог выбраться.

– И сколько там? – деловито поинтересовался Пакин, приглаживая усы.

– Не считал, но много. – Серый бросил мешки вниз, на землю, и сам спрыгнул из вагона.

Заглянув в мешки, Пакин прикинул, что сумма близка к пятидесяти тысячам. Такого удачного дела в истории банды еще не было. Евдокия тоже заглянула в мешки, подержала в руках тяжелые пачки с червонцами, а затем, забыв о деньгах, сосредоточила свое внимание на изотермических вагонах. Серый с товарищами без труда взломал и дверь вагона, и бандиты стали вытаскивать коробки с фруктами. Многие даже не понимали, что они обнаружили.

– Что это за хреновина? – поинтересовался у нее Серый, демонстрируя непонятный шершавый корнеплод.

У Евдокии в душе шевельнулось какое-то далекое воспоминание. Лет в пять она пробовала нечто подобное дома, но название диковинного фрукта выветрилось из головы.

– Это ананас, – пояснил Пакин, грустно улыбнувшись, – а вон в тех коробках бананы и апельсины. Толку от этого мало. Лучше настоящую еду ищите.

Во втором изотермическом вагоне обнаружили колбасы, сыры, балыки и тому подобные деликатесы. Один крытый вагон был заполнен консервами. Тут уж ликование было всеобщим. В остальных вагонах обнаружился всякий ширпотреб: ткани, обувь, одежда.

– Не иначе, как все это в город начальству везли, – предположил повеселевший Пакин, – вот пусть теперь на репу переходят, как весь трудовой народ.

– Забираем все по максимуму, – командовала Евдокия, – грузите консервы в первую очередь!

В этот момент из леса появился Патрикей с подкреплением. Приехал даже Федор Лопухов, ни разу не принимавший участия в ограблениях. Будучи охотником от бога, Федор играючи добывал себе пропитание в лесу и на реке. Часть отдавал в общий котел. За это его и держали. Даже из местных никто не мог сравниться с ним в удали и ловкости.

Заметив Федора, Евдокия выделила ему с десятков человек и велела перевезти убитых. Задание было ему не по нутру, но Федор спорить не стал. Могучий и спокойный, он стал негромко отдавать приказы. Местные охотники снимали скальпы с поверженных врагов и были очень недовольны, что их отвлекли от этого занятия. Федора коробило от этого зверского обычая, но приходилось считаться с традициями иного народа. Затем, перекинув через седло тело одного из убитых, он взял лошадь под уздцы и повел к лесу.

Через полчаса на месте ограбления не осталось ничего ценного. Банда ушла в лес, оставив после себя лишь скальпированные трупы врагов. Последними уходили предводители. Влас Пакин ехал бок о бок с Патрикеем, следом за ними – Чухпелек Томыспаев. Шаман вел за собой двух лошадей с телами убитых соотечественников. Евдокия и ее телохранитель замыкали шествие. Девушка бросила последний взгляд на разбитый поезд и подумала, что не останется на этом. Следующая их акция непременно будет более масштабной. Красные просто захлебнутся в своей крови.

Емельян тронул ее за плечо и, мыча, кивнул в сторону уезжавших.

– Эй, – резко, весело выкрикнула Евдокия и ударила коня в бока, пуская в галоп.

* * *

В свои тридцать лет Алексей Коновалов считал себя бывалым чекистом и достаточно авторитетным во многих вопросах. В семнадцать он пошел на войну, был идейным борцом с самодержавием. Оценив его способности, руководство перевело его в разведку, где он смог развернуться во всю широту своей многогранной натуры. Он легко переходил линию фронта, внедрялся в ряды противника, добывал секретные сведения, брал языков, проводил диверсии. Для него не было ничего невозможного. Но Гражданская война закончилась, и наступили относительно мирные дни. Руководство страны бросило все силы на борьбу с внутренними врагами. Оказалось, что вокруг полно предателей, вредителей, шпионов и заговорщиков. Это была очень странная война. Да, порой они действительно давили очаги сопротивления советской власти, направляемые из-за границы, были и настоящие вредители и шпионы, но основная масса людей, обвиненных во всех смертных грехах, не имела с ними ничего общего. Просто, по стечению обстоятельств, они оказались в неудачном месте в неудачное время. Поводом для ареста могло послужить неосторожное слово, взгляд или слишком громкий смех в неподходящий момент.

Допрашивая таких арестантов, Алексей чувствовал, как на него серой волной накатывает уныние. В конце концов, его гимнастерку украсил нагрудный знак 5 лет ВЧК-ГПУ с надписью: «ВЧК-ГПУ. 1917–1922». Этот знак отличия был учрежден в 1923 году. Знак вручался за беспощадную борьбу с контрреволюцией. Кавалеру знака присваивалось звание Почетного работника ВЧК-ГПУ. Он имел право на ношение оружия, а также входа во все здания ГПУ. Награду Алексею вручал лично Дзержинский, однако счастья это не прибавило. Наоборот, в душе было какое-то опустошение. Вокруг реками лилась кровь, творились ужасные вещи. Людей расстреливали направо и налево, тысячами отправляли в лагеря. Все идеалы о светлом будущем рушились на глазах.

Он не мог изменить систему и знал, что сам погибнет, если покажет свое сочувствие арестованным. Тем не менее даже под угрозой смерти Алексей старался помочь тем, кому это было возможно. Его коллеги не отличались подобной сентиментальностью. Многим даже нравилось убивать и пытать. Алексей не сомневался, что, если его завтра вдруг обвинят в шпионаже –

ни у кого из них ни один мускул не дрогнет привести приговор в исполнение. Бывшие друзья с радостью будут пытаться его, выбивая признание. До этого дня его спасали бывшие заслуги перед советской властью, но вечно так продолжаться не могло. Алексей видел, как казнили многих пламенных коммунистов, борцов за идею и членов «старой гвардии». Значит, рано или поздно придет и его черед. Начальник уже несколько раз осторожно намекал, что он слишком мягко проводит допросы, что стоит быть жестче. Выхода не было. Только бежать. Алексей собирался попросить, чтобы его перевели простым уполномоченным куда-нибудь подальше в тьмутаракань, но судьба распорядилась иначе. В свет вышел приказ ОГПУ № 108/65 от 8 марта 1931 года, который предписывал органам ОГПУ проводить мероприятия по чистке личного состава милиции и угро, предупреждать проникновение в агентурный аппарат милиции и угро преступного элемента и вести наблюдение за проведением этих директив в жизнь.

И вот чуть позже, летом, когда по всему Ленинграду гремели разоблачения шпионских заговоров и у милиции просто не хватало людей для арестов и экспроприаций ценностей, – начальник Озерский вызвал Алексея и вкратце обрисовал задачу. Тот должен был отправляться в один из уголовно-розыскных столов уголовного розыска для оказания помощи коллегам в ряде дел. Озерский особо отметил, что, помогая милиционерам, Алексей обязан выявлять в их рядах предателей, тех, кто берет взятки и занимается всякими сомнительными делами – в отношении некоторых сотрудников имелись вполне определенные подозрения. Алексей молча взял под козырек и с приказом поехал в уголовно-розыскной стол, к которому его прикомандировали.

Опера из уголовного розыска встретили его с подозрением. Оно и младенцу понятно, зачем его прислали. Алексей видел натянутые улыбки и напряженность в глазах милиционеров. Любые разговоры при его появлении автоматически прекращались. Начальник угро – Сергей Иванович Костромской поручил группе оперативников, в которую включили Алексея, отработать связи одного спекулянта, занимавшегося золотом. Некто Зотов был арестован месяц назад ГПУ и выдал интересные сведения, будто он с товарищами готовил заговор против советской власти, планировал теракты и убийства. У Зотова обнаружили записную книжку со списком имен и фамилий.

– Это список членов террористической организации Зотова, – пояснил Костромской, вручив книжку Семенову – командиру опергруппы.

Грузный Семенов, хмурясь, стал листать страницы так, словно собирался заучить наизусть имена врагов. Заглянув ему через плечо, Алексей бросил рассеянно:

– Очень похоже на обычную записную книжку.

– Ну, на это враги и рассчитывали, что мы не догадаемся, – буркнул Костромской с важным видом и добавил, обращаясь к командиру опергруппы: – Теми, чьи фамилии вычеркнуты, будут заниматься другие люди. А вы займитесь оставшимися. Начало операции ровно в восемь вечера. Все должно быть сделано быстро в течение трех часов. Никто не должен уйти.

– Что думаешь обо всем этом, – поинтересовался Алексей у Семенова, когда они выходили во двор управления.

– Я не думаю, а выполняю приказы, – коротко пояснил командир опергруппы. К ним подъехал «черный воронок». Семенов махнул шоферу: – Эй, Петрович, поедешь за нами!

Алексей и трое из опергруппы, включая командира, набились в черную «ГАЗ-М1». Рядом с водителем сел сам Семенов. Бортко – высокий бритый парень с лицом типичного уркагана – втиснулся сзади, справа от Алексея, а Поночевный – крепко сбитый мужик лет сорока в кожаном плаще – слева, так что он оказался зажатым, точно арестованный. Эта мысль не понравилась Алексею. Шумно выдохнув, он ослабил воротник, расстегнув одну пуговицу. Бортко со зверским видом положил на колени револьвер. Чувствовалось, что так ему спокой-

нее. Поночевный задумчиво морщил лоб и похрустывал пальцами, сжимая и разжимая кулаки. Все мысленно готовились к предстоящему, хотя работа была, можно сказать, привычной.

И действительно, все пошло как по накатанной. Вечером, когда люди садились ужинать, они врываются в дома, хватали подозреваемых, описывали и изымали ценности, опечатывали квартиру и неслись по следующему адресу. Главным было за короткое время охватить как можно больше адресов, чтобы подозреваемые не успели предупредить друг друга. Большинство из списка Зотова оказались либо его родственниками, либо друзьями. Алексей предполагал нечто подобное и не сомневался, что позже, после пыток, арестованные напишут какие надо признания. Никто из них не оказывал никакого сопротивления, лишь в глазах стоял ужас вперемешку с удивлением. Люди были парализованы страхом. Скованные наручниками, они выходили из домов к «воронку» словно пьяные, едва переставляя ноги. Оперативники недовольно покрикивали и толкали арестованных в спину. Бортко и вовсе не церемонился, а сразу бил рукояткой «нагана» по голове.

Алексей незаметно наблюдал за действиями коллег. Все трое действовали четко и профессионально. Потом он заметил, как на очередной квартире Поночевный быстро сунул найденные в книге деньги в карман, решив, что никто не видит, но просчитался. Алексей, хоть и стоял спиной, но увидел его движение в дверном стекле. Повернулся к Бортко в тот момент, когда он с ловкостью фокусника умыкнул из шкатулки с драгоценностями большой перстень с изумрудом.

Ловко работают ребята, подумал он. Отозвав оперативников в сторону, Алексей тихо поинтересовался:

– Вы в курсе того, где я работаю и зачем меня сюда прислали?

– Да, смекаем, не валенки, – процедил Семенов, не спуская глаз с позеленевших от страха чуть живых подозреваемых, сидевших на стульях у стены в гостиной – двух женщин и мужчины преклонных лет.

– Тогда предлагаю добровольно вытащить все ценности, которые случайно попали вам в карманы, минуя опись, – сухо сказал Алексей и посмотрел Бортко прямо в глаза, – смелее. На первый раз последствий не будет.

– Зря ты так, – покачал головой Семенов и вытащил из кармана, к удивлению Алексея, толстую пачку денег. Глядя на начальника, Бортко и Поночевный тоже повытаскивали деньги и драгоценности. Все было внесено в опись имущества. Алексей с невозмутимым видом наблюдал за этим. Сказать, что сыщики были недовольны его действиями – значит ничего не сказать. Они просто прожигали его взглядами.

Время приближалось к одиннадцати. «Воронок» поехал к управлению с «клетками», забитыми новой партией «врагов». Последняя фамилия из списка была отработана, и Алексей мысленно порадовался, что закончился этот изматывающий марафон. На душе было погано, и хотелось выпить.

– Ну, что, на сегодня все? – спросил он у командира.

– Погоди, еще один адрес остался, – неожиданно заявил Семенов, расправляя ремень.

– Как остался, я точно помню, – начал было Алексей, у которого была фотографическая память, и осекся, так как командир продемонстрировал ему записную книжку. В списке действительно была еще одна фамилия с адресом. Алексей не мог понять, как он мог ошибиться, но, приглядевшись, заметил, что фамилия написана другим почерком, да и чернила на этой строчке выглядели более свежими. Фамилию вписали минут десять назад – не больше. Что же сие означало? Алексей внимательно посмотрел на Семенова.

– Что-то не нравится, товарищ? – поинтересовался тот враждебно, убрав записную книжку в карман.

– Да нет, все нормально, – пожал плечами Алексей. Ему было интересно посмотреть, что будет дальше. Что задумал командир опергруппы? Зачем перевыполнять план по собственной инициативе?

Машина некоторое время тряслась по кочкам на грунтовой дороге, вилившейся между частными домами. Потом Семенов приказал водителю остановить и сообщил всем:

– Дальше пойдем пешком. Не хочется спугнуть этих сволочей.

В сгущающихся сумерках громко прозвучали хлопки закрываемых дверей «эмки». Алексей, руководствуясь смутным предчувствием, проверил свой «браунинг». Запасной револьвер был спрятан за голяшкой сапога. Хотя даже без оружия он мог неплохо постоять за себя. За время войны он изучал различные методы рукопашного боя. Одно время его учил китаец, потом кореец. В результате Алексей разработал свою собственную систему рукопашного боя, главной идеей которой было нанести противнику первым же ударом максимальный урон.

Один за другим они быстро шагали вдоль заборов. То тут, то там раздавался свирепый собачий лай и звенели цепи дворовых псов. В этот час на улице уже никого не было, поэтому незамеченными они добрались до нужного дома. От взгляда Алексея не укрылось то, как легко Семенов открыл калитку. Складывалось впечатление, что он бывал здесь не однажды и знал, где шпингалет, где вертушка и что во дворе шляется непривязанный пес устрашающих размеров. Собака, естественно, сразу же бросилась на них, но Семенов все предусмотрел. Он не стал открывать калитку полностью, а оставил узкую щель, в которую пес только и смог, что просунуть голову. Командир опергруппы ловко прижал собаку. В его руке блеснул нож. Одним быстрым движением он перерезал животному горло и отпрыгнул от брызнувшей во все стороны крови. Все произошло быстро и почти бесшумно. По крайней мере, хозяева дома ничего не услышали. В зашторенных окнах горел свет и слышалась негромкая музыка.

– За мной, – тихо скомандовал Семенов, вытащил пистолет и, перешагнув через дергавшегося в смертельной агонии пса, направился к дому.

Алексей пошел следом. Двое оперативников бесшумно шли у него за спиной.

– Вышибешь дверь – и в сторону, – велел Семенов, повернувшись к нему, – давай.

Алексей кивнул и молча ударил ногой в дверь так, что весь косяк в районе замка расщепился, а дверь, едва не слетев с петель, громко распахнулась. Ударив, он отпрянул, пропуская рванувшихся вперед оперативников, и вошел внутрь уже последним, сразу за Семеновым.

Обстановка в доме свидетельствовала о достатке хозяев. Все: и мебель, и ковры, и канделябры – имело немалую цену. В гостиной под прицелами револьверов оперативников на диване сжались от страха владельцы дома – пожилая чета и двое детей – мальчик лет шести и девочка лет десяти, очевидно, внуки стариков.

– Никому не двигаться, – надрывался высокий бритый Бортко и оглядывался на начальника, ища поддержки.

– Мы ничего не сделали, – пролепетал дрожащим старческим голосом хозяин дома.

– Предлагаю добровольно сдать все имеющиеся в доме ценности, – ледяным тоном бросил ему Семенов.

Алексей едва подавил зевоту, до того ему наскучила вся эта канитель. Везде одно и то же. Дежурные фразы, запугивание, а все лишь для того, чтобы банально ограбить ни в чем не повинного человека. Нет, из органов надо бежать. Довольно с него всего этого.

Хозяин дома попытался увильнуть от расплаты.

– У нас нет ничего такого, – начал он плаксивым голосом.

– Я теряю терпение, – прорывал Семенов, сверкая глазами, – не гони мне тут, падла. Я все знаю и про золото, и про деньги, и про камушки.

С диким лицом командир опергруппы стащил с дивана девочку и приставил ей к голове револьвер. Эффектно щелкнул взводимый курок.

Алексей вострепнулся. Это уже было что-то новое. Командир опергруппы на его глазах скатывался к махровой уголовщине. Он даже не пытался изображать из себя слугу закона. Взглянув в расширенные от ужаса глаза девочки, Алексей сглотнул ком, вставший в горле. Его взгляд отметил побелевший на спусковом крючке палец. Семенов не играл. Он действительно был готов выстрелить в любой момент. Хозяин дома тоже понял это и полез доставать все из своих тайников. На столике перед диваном появился увесистый мешочек с золотыми червонцами, шкатулка с драгоценностями, пачки денег, перевязанные веревкой, серебряные ложки, посуда, несколько статуэток и даже меха.

– Это все? – сурово осведомился Семенов, державший ребенка за горло. Дуло его пистолета продолжало находиться в опасной близости от головы девочки.

– Да клянусь вам, молодой человек, отдал все, – страстно заверил старик, сложив в молитвенном жесте руки на груди, – отпустите ее.

– Конечно, отпущу, – жестко усмехнулся Семенов и неожиданно выстрелил в хозяина дома. Выстрел прозвучал оглушающе. На груди старика возникла кровавая дыра, и он инстинктивно закрыл ее ладонью. Сквозь его пальцы немедленно брызнула кровь. Семенов выстрелил еще один раз в старика, но теперь в голову. Бортко также выстрелил в старика со своего места. Поночевный тем временем расстреливал старуху, чуть ли не в упор. Девочка истошно закричала. Семенов ударил ее наотмашь и отпихнул от себя, готовясь выстрелить. Бортко выстрелил в мальчика, но промахнулся. Падая, израненный старик закрыл его своим телом. Не раздумывая, Алексей бросился вперед, выбил ногой пистолет у Семенова и со всей силы врезал ему в лицо. Обливаясь кровью, Семенов хрюкнул и, закатив глаза, рухнул на пол. Бортко резко развернулся с пистолетом в руке и выстрелил. Краем глаза он видел маневр Алексея. Последнего спасла лишь отличная реакция. Стеля в прыжке, Алексей упал и, перевернувшись, успел пальнуть в Поночевного до того, как тот развернул оружие. Обе пули легли точно в центр лба оперативников. Почти синхронно они выронили оружие и осели на пол. Бортко сполз по стене, оставляя на обоях кровавый след, а Поночевный свалил этажерку с книгами.

Не успел Алексей перевести дух, как оконное стекло справа от него разлетелось на части и снова завизжали пули. Это был шофер. Он стрелял через окно со стороны улицы. Алексей ощутил жгучую боль в щеке. Еще две пули пронеслись у него над головой. Алексей откатился, свалил стол, закрылся им и выстрелил в ответ. Пуля угодила шоферу в переносицу, и он исчез из темного проема окна.

– Сука, – выдохнул Алексей, дотронувшись до лица. На пальцах осталась кровь. – Все же попортили морду, вражины!

Затем он натолкнулся на взгляд девочки. Та сидела на полу и не знала, что ей делать. Ее губы дрожали, а глаза блестели так, словно она собиралась разреветься. Рядом скулил мальчик, пытаясь выбраться из-под мертвого деда.

Времени терять было нельзя. Перестрелка, должно быть, всполошила весь район, и, не ровен час, мотопатрули пожалуют в гости. Алексей, позабыв о своей ране, вскочил на ноги, помог мальчику, грубо поставил на ноги девочку и спросил: – Эй, как тебя зовут? Слышишь меня?!

Девочка в ответ только судорожно вздохнула да скривила губы. Алексей влепил ей пощечину и, удерживая, рявкнул:

– Эй, если хочешь жить, соберись! Как зовут?

– Саша, – с обидой пропищала девочка, зажимая покрасневшую от удара щеку.

– Родственники есть? – быстро спросил Алексей, поняв, что ребенок более-менее пришел в себя.

– Есть, – пробормотала она и глянула на чекиста исподлобья, – мама с папой.

– Отлично, – обрадовался Алексей, – бери брата и бегите к родителям. Только очень быстро бегите. И пока не говорите никому, что тут случилось, иначе и вас обоих, и родителей убьют. Саша, ты все поняла?

Девочка торопливо закивала. Алексей подтолкнул к ней плачущего брата:

– Бегите!

* * *

Павел Игнатьевич Красин, председатель окрисполкома, сидел, схватившись за голову, и читал срочное донесение, пришедшее с железнодорожной станции Меднинска. Однако не человеческие жертвы его так взволновали, не потеря целого железнодорожного состава и разрушение дороги, не пропавшие деньги Госбанка, а то, что бандиты похитили продукты, шедшие для нужд партийного аппарата края. Павел Игнатьевич любил хорошо поесть, а теперь выходило, что придется две недели жить чуть ли не на подножном корму. Не будет тебе ни сыров, ни осетрины, ни икры, ни фруктов. Павел Игнатьевич уже представлял, как взбеленится жена. В сердцах ударив по столу кулаком, он гневно воскликнул сочным басом:

– Надо с ними немедленно кончать! В край обнаглели! Это ж надо – поезда под откос уже пускают!

– Конечно, переловить и всех к стенке, – поддакнул сидевший на стуле для посетителей окрвоенком Дудницкий и полез в карман за портсигаром. Мебель жалобно скрипела под его весом при каждом движении. Тучный, лысоватый, с маленькими свинячьими глазками и рябым лицом, окрвоенком походил на огромную жабу, наряженную кем-то в гимнастерку, фуражку, галифе и начищенные до блеска сапоги.

– Переловить-то, конечно, можно, но нужны люди, – подал голос невысокий, поджарый начальник городской милиции Трефилов, – у меня максимум штыков тридцать наберется. Этого будет недостаточно.

Красин посмотрел на начальника милиции, размышляя о своем. Трефилов выглядел достаточно умным человеком. Уверенный в себе, спокойный, он уже десять лет руководил местной милицией и хорошо зарекомендовал себя на этом поприще. К мнению такого человека можно было прислушаться.

– Гаврила, да ты что, испугался, что ли? – хохотнул Дудницкий, разминая пальцами папиросу.

– При чем тут испугался, – возразил Трефилов, багровея, – я никого и ничего не боюсь, просто тут такое дело, что не дай бог просчитаться. Я участвовал в разгроме этой банды еще два года назад. Это был противник еще тот. Много наших полегло. Били их, били и не добились... Часть банды рассеялась по лесу. Вот теперь сызнова неприятности начались. Видно, опять вражины сил накопили, раз решились на такое. По моим прикидкам, у них человек пятьдесят, не меньше. Я с тридцатью их не осилю. А если у них там еще и укрепления, то вообще...

– Докомплектуем твой отряд местными партийцами, – предложил Красин, перебив начальника милиции.

– И я тоже штыков десять выделю и с оружием помогу, – добавил окрвоенком.

* * *

Битый час Алексей выслушивал распекаания начальника. Озерный являлся вторым человеком в ГПУ. Ему было около пятидесяти. Маленького роста, чернявый, с высоким лбом и зачесанными назад волосами, он поражал всех своей энергией, острым умом и изворотливостью. Другой бы на его месте давно сгорел, а Озерный держался, несмотря на бури кадровых перестановок, чистки и подковерную борьбу в самом управлении. Одним росчерком пера он

мог казнить и миловать. Власть сделала Озерного нетерпимым, крикливым и нервным. Этим утром они находились вдвоем в просторном кабинете заместителя начальника ГПУ. Озерный специально решил поговорить с подчиненным без свидетелей. Он ценил Алексея и одновременно с этим не любил его независимый характер, склонность к размышлениям и привычку спорить с начальством. Людей не хватало, и с недостатками приходилось мириться, но произошедшее ЧП переполнило чашу терпения Озерного.

– Что у вас там, черт возьми, произошло? – орал он во всю глотку. – Какие такие агенты вражеского подполья на вас напали! Что за чушь!

– Почему чушь? Зотов руководил мощной подпольной организацией, – принялся объяснять Алексей с видом человека, который свято верил в рассказанную ему до этого сказку про заговор против советской власти.

– Коновалов, ты что, надо мной издеваешься? – сузил глаза Озерный. Его взгляд не предвещал ничего хорошего.

– Я лишь придерживаюсь официальной версии, – миролюбиво пояснил Алексей.

– Ясно, – протянул Озерный с мрачным выражением лица. – А хочешь, я сам расскажу, что у вас там произошло?

– Да, интересно будет послушать, – кивнул Алексей с безмятежным видом.

– Вы просто бабки не поделили, которые у того спекулянта нашли, – криво улыбнулся Озерский, – и ты их всех положил. Бабки потом взять побоялся, сдал в установленном порядке.

– А теперь я расскажу свою версию, – сказал Алексей с вызовом, – но это не для протокола. Командир опергруппы Семенов лично вписал имя и адрес того спекулянта в записную книжку. Семенов, видно, давно положил глаз на его добро. А тут такой случай представился. Можете проверить записную книжку. Последнее имя вписано другим почерком, а именно почерком Семенова. Думаю, они с самого начала планировали там всех порешить, а заодно и меня. Я ведь не давал им спокойно мародерствовать. Потом бы вложили в руку старика пушку и сказали, что я героически погиб от бандитской пули.

– Ну, это ты загнул, – пробурчал Озерский.

– Ни хрена не загнул, – возмущился Алексей, – я все понял по их поведению. Шофер встал за окном специально, чтобы меня пришить. Семенов ему велел. Они были все заодно. Я еле уцелел. Вы вроде бы хотели продажных милиционеров выявить. Так вот я вам выявил.

– Ты их не выявил, а пришил, – фыркнул Озерский и, отпив чаю, покачал головой. – Их надо было взять живыми, чтобы они сознались во всем. Должен был быть суд. А так что? С мертвяков ведь теперь не спросишь.

– У меня не было возможностей взять их живыми, – отрезал Алексей, опустив глаза.

– Может, и так, – пожал плечами Озерский, – только теперь тебе надо быть осторожней. У убитых в уголочке могли остаться друзья, которые захотят отомстить. Там ведь тоже не поверили в официальную версию.

– Ну, пусть попробуют, – зло сказал Алексей.

– Это что же, мне нужно ждать новых трупов?

– Себя я точно убить не дам, – поджав губы, ответил Алексей.

– Да черт возьми вас всех, – закричал Озерский и ударил по столу кулаком, – вы не друг с другом должны воевать, а с преступниками, мать вашу! Что это за дерьмо!.. – и все в том же духе.

Алексей делал вид, что внимательно слушает начальника.

– Ладно, для тебя есть задание. Поедешь в Сибирь, – произнес Озерский, немного успокоившись.

– Ссылка? – поднял бровь Алексей.

– Нет, отдых и развлечение, – ехидно заверил Озерский, перекладывая на столе какие-то бумаги. – Там сложилась опасная ситуация. Не хватает продовольствия. Срываются планы

по продразверстке. Население недовольно советской властью. Возможны бунты. И в довершение ко всему – разгул бандитизма. В горной части засели банды, которые дестабилизируют ситуацию и сеют смуту. Вот утром мне пришло срочное донесение. Бандиты ограбили поезд, который вез деньги Госбанка в Меднинск. Охрана убита. Поезд взорван. Пути повреждены. Это вызов, брошенный советской власти. Окротдел ГПУ запросил помощи. Вот мы и пошлем тебя туда во всем разобраться.

– Одного? – нахмурился Алексей.

– Да, а кого ты еще хотел, – усмехнулся Озерский, – с тобой опасно рядом находиться. Ты как чума – сеешь вокруг смерть. Послали тебя помочь угро, а ты всех там перестрелял.

– Да без этих гадов только жить станет легче всем, – заверил Алексей и тяжело вздохнул.

– Они, может быть, и гады, но других-то пока не имеем, – произнес Озерский с печалью в голосе. – Надо работать с тем, что есть, воспитывать как-то, а ты сразу стрелять. Сейчас трудное время. Люди пытаются выжить. Подумай на досуге о том, что у этих парней остались семьи, детишки малые. У тебя-то пока никого нет, вот ты и не понимаешь, каково это сейчас.

– Вы их оправдываете? – сухо спросил Алексей.

– Нет, – покачал головой Озерский, – просто пойми, что ты не намного лучше их. Уясни, что ты не святой. И запомни главное, что преступники нужны живыми для суда. Нужны громкие показательные процессы, чтобы другим неповадно было. Люди должны бояться возмездия. Если нет страха, то наступает полная анархия. Помнишь «Чубаровское дело»? Слушалось в Ленинградском губсуде зимой четыре года назад. О групповом изнасиловании девушки, которое совершили молодые ленинградские рабочие в саду «Кооператор», расположенном на Лиговке, в районе Чубарова переулка.

– Конечно, помню, – кивнул Алексей, – ублюдки еще те были. Забава у них такая была.

– Да, в то время изнасилованиями в рабочих районах никого нельзя было удивить, – продолжал Озерский с хитрым прищуром. – Была распространена, например, такая забава, как «тюльпан», когда пойманной девушке завязывали поднятую юбку над головой. Законодательство считало все это «шалостями». Но благодаря «Чубаровскому делу» все изменилось. «Особый цинизм» дела состоял в том, что потерпевшая была комсомолкой и готовилась поступать на рабфак! При этом любопытно отметить, что многие из 22 «бандитов» тоже были комсомольцами, а один – даже кандидатом в члены партии... Это как надо обыграли в суде. Дело получило политическую окраску. Фигурантов обвинили в бандитизме, и семи участникам изнасилования была назначена «высшая мера социальной защиты» – расстрел, хотя пострадавшая осталась жива. Остальные получили сроки от 3 до 10 лет лишения свободы. И это время им медом не показалось. Всех отправили на Соловецкие острова. Таким образом, был создан прецедент, позволявший любой криминал возводить в ранг политического преступления с соответствующим наказанием. Вслед за этим количество подобных преступлений пошло на убыль.

– Хорошо, я давно все понял, – проворчал Алексей, – мне надо было захватить этих оперов за преступлением, раздуть дело и под шумок избавить городскую милицию еще от двух десятков ненадежных товарищей, объявив всех пособниками. Нам бы с вами выдали премии и продвинули по службе.

– На лету схватываешь, – похвалил Озерский. – Сейчас работники милиции считают, что им все позволено. Надо разубедить их в этом. А для этого придется прилюдно пролить много крови.

– Ладно, а дело Зотова, – напомнил Алексей, – к чему все это? Что за записная книжка, что за тайная организация?

– Поверь, в этом есть смысл, – улыбнулся Озерский, – но объяснять ничего не буду. Тебе не положено знать. В этом деле затронуты большие люди из партийного аппарата. Так что есть смысл, поверь мне, есть.

– И что, все, кого мы арестовывали, действительно виновны?

– Лес рубят – щепки летят, – ушел от прямого ответа Озерский, – ты не в институте благородных девиц работаешь, а в Главном политическом управлении. В нашей работе нет ничего приятного, но кто-то же ее должен делать...

– Да, должен, – эхом произнес Алексей.

– Раз ты такой понятливый, то давай, собирайся. И чтобы вечером уже находился в поезде на пути в Меднинск, – приказал Озерский тоном, не терпящим возражений.

– Есть. – Алексей поднялся и вышел из кабинета.

Новое задание было самой настоящей ссылкой. Его отсылали подальше, чтобы не возникло новых проблем. Во второй половине разговора начальник был невероятно любезен, так как хотел использовать таланты способного подчиненного в своих целях. Видно, думал так: решит или не решит Коновалов проблему с бандой, в любом случае управление не останется в проигрыше. Озерский оперативно среагировал на просьбу о помощи коллег, послал специалиста – это факт. Отписался об этом наверх, удалил от себя угрозу. А если он не справится или его убьют, Озерский свалит все на местных, дескать, не оказали должного содействия и, как всегда, проведет чистку. Что ж, в Сибирь так в Сибирь.

Алексей толкнул дверь и вышел на улицу под свинцово – серое ленинградское небо, готовившееся разродиться ливнем. Вдали на горизонте сверкали всполохи молний.

2

Разбойничий лагерь представлял собой старую крепость, построенную еще дружиной Ермака во время освоения Сибири. Деревянные срубы окружал высокий мощный забор с бойницами. В центре забора с южной стороны находились массивные ворота. С севера крепость была защищена отвесными скалами. В скалах имелась небольшая расщелина, по которой можно было незаметно уйти в горы, перевалить через перевал и спуститься уже в долине на другой стороне горного хребта. Крепость метров на десять возвышалась над окружающей ее с юга долиной, поросшей вековыми елями. За оградой крепости имелся родник, так что жители могли выдержать длительную осаду. В двух длинных срубах могло разместиться для проживания семьдесят человек. Еще два сруба использовали под склады. В естественной пещере под скалой имелся большой ледник. Атаманша жила в отдельном срубе, вход в который имели лишь ее ближайшие соратники. Внутри крепости проживал костяк банды, а все вновь прибывшие селились за забором в долине.

Проезжая с Емельяном к крепости мимо стихийно разраставшегося поселка, Евдокия насчитала три десятка домов – грубых срубов без фундамента с простой двухскатной крышей, покрытой жердями, дерном и берестой. Дома манси были неизменно обращены дверью к реке, а крышу украшала резная голова росوماхи – тотема клана, который возглавлял старый шаман. Дома в низине стояли на столбах-сваях, так как весной река довольно сильно разливалась по долине. Между домами виднелись свайные амбары, а также навесы-помосты на столбах для хранения имущества и продовольствия. Для беременных и рожениц был построен специальный маленький домик, называемый манси «мань кол». Глядя на все это, атаманша подумала, что скоро все люди из окрестных сел переселятся к ней. Прямо у дороги вновь прибывшие ставили каркасы из жердей для чума, застилая их шкурами. Здесь же бродили их олени. В лагере был траур по погибшим, поэтому местные мужчины ходили не подпоясавшись. Они не завязывали ни сапог, ни прочих завязок на одежде, женщины носили одежду наизнанку, не заплетали волосы и не надевали украшений.

Стоявшая у дороги женщина лет тридцати была ей знакома – жена одного из охотников – Мосьнэ Манышева. Женщина была одета в вышитый суконный халат и ровдужные сапоги. Голова покрыта большим платком с широкой каймой и бахромой, сложенным неравным треугольником. Концы платка свободно свисали на грудь.

– Здравствуй, Евдокия, – поклонилась Манышева.

– Здравствуй, а кто это к нам пожаловал? – кивнула Евдокия на строившиеся чумы.

– Это мои родственники из села. Боярчины, сестра моя Хором Таня, ее муж, сыновья и родители мужа, – пояснила Манышева со смущением, – мужчины собирались идти просить дозволения у тебя построить здесь дома.

– Пусть строят, только хороших мест тут мало, – пожала плечами Евдокия и указала рукой на юг: – Вон там в низине есть места, или пусть лес валят и сами готовят себе площадку. И скажи им, что за защиту надо будет платить. Пусть либо мужчины идут ко мне на службу, либо платят мясом и пушниной.

– Хорошо, я передам им, – тихо пообещала Манышева.

Опираясь на копьё, как на посох, к ним подошел Чухпелек Томыспаев, и женщина торопливо прикрыла лицо платком. Евдокия, сидевшая на коне, только улыбнулась, глядя на это преклонение перед шаманом.

– Я вчера камлал, – сообщил Томыспаев с загадочным видом.

Манышева юркнула в сторону к своим родственникам, чтобы не быть свидетельницей разговора столь важных персон, а то мало ли...

– И что тебе сказали духи? – непринужденно спросила Евдокия.

– Младший сын Нум-торума Мир-сусне-хум сказал, что коммунисты собирают много людей и собираются идти в лес, чтобы найти нас и убить, – произнес Томыспаев, сверкая глазами, – духи сказали, что надо идти им навстречу и подготовить засаду перед Синим озером. Мы сможем победить, если умилюстивим Аут-отыра. Нужна жертва.

– Сколько их? – выдохнула Евдокия, ощутив ледяной укол страха в сердце.

– Полсотни, не меньше, – ответил шаман, – но, может, будет и под сотню.

– Это проверенная информация? – поинтересовалась Евдокия, неприятно пораженная известием. Она прислушивалась к словам старика, так как знала, что информацию тот черпает отнюдь не у духов. У Томыспаева было много родственников и разветвленная сеть шпионов. Благодаря этому он все знал про всех и мог разыгрывать свои спектакли с бубном у костра. Под ложечкой неприятно засосало. Евдокия помнила прошлый раз, когда против них выступили части регулярной армии.

– Мне духи никогда не врут, потому что знают, что я могу их наказать, – заверил шаман, подчеркивая свою значительность, – нету кама сильнее меня.

– Ясно, – кивнула Евдокия, соображая, что делать дальше. Нужно срочно собирать людей, менять место дислокации. Ох, как не хотелось бросать обжитую крепость.

– Аут-отыр требует коня, – напомнил ей шаман.

– Кто? – не сразу поняла Евдокия.

– Дух, – обиженно буркнул Томыспаев, – он хочет белого коня.

– Обязательно белого, на что он ему?

– Коня надо принести в жертву, – сухо ответил шаман, сузив глаза.

– А мясо ты потом сожрешь, верно? – усмехнулась Евдокия. Даже молчаливый Емельян от ее слов загалкал и заулыбался.

– Так заведено, – стиснул зубы шаман, – крещенные не могут есть мясо удушенного животного.

– Хитрые вы, шаманское племя, ловко законы под себя придумываете, – хохотнула Евдокия и добавила: – Будет тебе конь. Подойди потом к Патрикееву. Я распоряжусь.

Она хлестнула плеткой своего гнедого жеребца и весело крикнула:

– Но, пошел, Мрак! А то окажешься в шаманском пузе.

Емельян скакал сзади. Его мощный серый в яблоках конь был под стать хозяину. Комья земли летели из-под копыт, и земля дрожала от его топота. Галопом Евдокия подлетела к жилому зданию крепости, осадил коня и лихо соскочила на землю прямо перед Федором Лопуховым. Охотник выходил из двери с двумя громадными капканами. На плече висело ружье – стало быть, на охоту собрался.

– Где Пакин? – крикнула она ему вместо приветствия.

– Здесь, – отозвался Пакин, появляясь вслед за Федором.

– Влас, надо собрать людей на совет, срочное дело, – выпалила она и поймала за руку собиравшегося уйти Федора, – ты тоже приходи на совет.

– Мне-то зачем, – опустил глаза Федор, – я не военный человек, а охотник.

– Скоро сюда придет отряд красных, и что же, ты бросишь нас и сбежишь, как крыса?! – воскликнула Евдокия с возмущением. – Нам нужна твоя помощь.

– Хорошо, я буду, – вздохнул Федор, не поднимая глаз, и побрел прочь.

– Что за отряд? – удивился Пакин.

– Все вопросы на совете, – отрезала Евдокия таким тоном, что отбила всякое желание пререкаться.

Пакин кинулся к своей кобыле и поскакал собирать людей. Посмотрев ему вслед, Евдокия пошла к своему дому. Мрак послушно шел рядом. Емельян тенью следовал за атаманшей, внимательно обзоревая окрестности. Когда Евдокия вошла в дом, Емельян остался снаружи у дверей, присел на лавку, положил на колени винтовку и достал из-за пазухи яблоко.

В доме было необычайно тихо. Одна большая комната с русской печкой служила одновременно и горницей, и столовой. От большой комнаты занавеской была отгорожена комната раза в три поменьше, которая служила спальней. Еще была кладовка, забитая всевозможным оружием. Перед входом небольшие сени. Евдокия прошла мимо печки и заглянула за занавеску, убедилась, что там никого нет, затем позвала:

– Эй, это я. Куда ты провалилась?

В ответ на ее голос скрипнула половица и три доски на полу посреди комнаты неожиданно поднялись, образовав черный провал, откуда появилась девушка, как две капли воды похожая на Евдокию. Это была ее «пропавшая сестра» Анисья. Пропавшей она была для всех остальных. Евдокия нашла ее у староверов, живших в нескольких десятках километров от крепости. В том бою, когда убили их отца, Анисью контузило, и она сама не поняла, как забрела в скит староверов. Она некоторое время жила там, приходя в себя. Идти ей было, как она считала, некуда. Думала, что красные всех положили. Подумала и решила остаться. Какая разница, староверы, не староверы – главное, люди. Потом как-то сестра проезжала мимо и нашла ее. Радости обеих не было предела. Ночью они вернулись в крепость. А утром случилась неприятность. Один из каторжников Ерофей Пряников вознамерился захватить власть в банде. Влас, Патрикей, все верные Евдокии люди были как раз на промысле. Евдокия вышла из избы и получила пулю в грудь. Посчитав, что она убита, Пряник собрал оставшихся в крепости людей на совет. В этот момент Анисья, прятаясь в доме, выбежала и затащила сестру в дом. Евдокия была жива. Пуля прошла в каких-то миллиметрах от сердца, не задела ни легких, ни крупных сосудов. Перевязав сестру, Анисья спрятала ее в погреб, переделав в ее одежду, взяла винтовку и заявила на совет. Пряник так оторопел, что ничего не успел сделать. Анисья уложила его одним выстрелом и рывкнула на остальных, указывая на товарищей Пряника:

– Убить их!

Приказ выполнили мгновенно. Все видели ее лежащей с дыркой в груди на улице и не сомневались, что атаманша воскресла из мертвых. Манси, глядя на окровавленную рубаху Анисьи, все как один признали в ней дочь бога Нум-торума – Казым-ими, непобедимую богатыршу. К ней боялись даже прикоснуться. Чтобы развеять всякие сомнения в своей божественности, Анисья задрала рубаху и продемонстрировала, что рана исчезла без следа. Так родилась легенда о неуязвимой атаманше. Люди поверили, потому что хотели во что-то верить. Им было необходимо знать, что существуют какие-то могущественные силы, способные защитить их от бед. Поверили от безысходности. Потом Анисья долго лечила сестру, скрывая от всех. На дворях в хате атаманши появился засов, а Емельян стал ее личным телохранителем. Тайны Емельяна хранить умел как никто. Пакину и Патрикею пришлось рассказать правду, так как байка их не устраивала. Когда Евдокия поправилась, игру решили продолжать. Если одна была на людях, то вторая скрывалась в доме. Томыспаева к дому атаманши не подпускали на пушечный выстрел. Хитрому старому шаману не нравилось, что его люди обожествляют еще кого-то, кроме него. Он не привык делить власть, но пока что был вынужден мириться с этим.

Евдокия зачерпнула из кадушки в углу кружку воды и стала жадно пить.

– Ты какая-то бледная, – заметила Анисья, разглядывая сестру.

– Побледнеешь тут, – фыркнула Евдокия, – красные идут. Я совет общины собираю.

– Как! – выдохнула Анисья. – Откуда ты знаешь? – Она не могла поверить в услышанное, вернее, не хотела верить. В памяти калейдоскопом замелькали сцены гибели отца и картины того страшного боя.

– Мы грабнули поезд, лишили их руководство микояновского пайка, вот они и осерчали, – пояснила Евдокия. – Слушай, а давай ты за меня на совет пойдешь. У тебя это лучше получается. Да и устала я как собака.

– Ладно, пойду, – кивнула Анисья, присев за стол у занавешенного окна, аккуратно отодвинула штору, выглянула наружу и поинтересовалась: – А ты сама-то чем занималась, что так устала?

Евдокия расстегнула пояс с висевшим на нем оружием, бросила на лавку, села рядом и стала стаскивать сапоги, по ходу дела поясняя:

– Ездили к селу. Там у них опять комуняки свирепствуют. Люди просили помочь... Просили сжечь колхозные коровники, чтобы не надо было скот сдавать. Но я думаю, надо действовать масштабнее. Надо все колхозное спалить вместе с управлением, а председателя и его подручных подвесить на осине.

– Погоди, надо вначале со своими проблемами разобраться, а уж потом будем колхозы жечь, – охладила ее пыл Анисья.

– Отобьемся, – уверенно ответила Евдокия, хотя сама такой уверенности не чувствовала, но хотела внушить уверенность сестре, повысить боевой дух, так как знала, что настрой самое главное при любом сражении.

– Непременно отобьемся, – поддакнула Анисья, и они синхронно улыбнулись, угадав мысли друг друга.

Не теряя времени, Анисья стала собираться, а Евдокия, откинувшись на лавке, с мечтательной улыбкой произнесла:

– Знаешь, сестренка, а я ведь мечтала, что мы накопим сил и захватим Меднинск. Вот бы было здорово. Освободили бы его от красной заразы и пошли дальше по России...

– Эка ты куда хватила, – хихикнула Анисья.

– А чего, – возмутилась Евдокия, – вон Пугачев до Москвы дошел! А мы чем хуже?

– Пугачев! Когда это было? – отмахнулась Анисья, заряжая «маузер». – Сейчас время не то. Мы даже из леса нос высунуть не сможем. Красные бросят на нас конницу – и конец.

– Ладно уж, и помечтать нельзя, – огрызнулась Евдокия.

– Мечты у тебя слишком детские, – вздохнула Анисья, – я вот, например, мечтаю совсем о другом.

– Это о чем же? – Евдокия приподнялась на лавке и подперла голову кулаком.

– О том, – буркнула Анисья и посмотрелась в зеркало, висевшее на стене. – Сколько нам еще тут в лесу сидеть? Рано или поздно красные доберутся до нас. В любом случае конец для нас будет один.

– Да что ты каркаешь, – воскликнула Евдокия, подскочив, – пусть попробуют добраться сначала!

– Нам уходить надо отсюда, – мягко произнесла Анисья, – убьют нас, как отца.

– Куда уходить? – не поняла ее сестра. – Ты что говоришь? Что же мы так возьмем и сдадимся комунякам! Нет, я пойду до конца! И людей как бросишь? Они же на нас надеются!

– Да пойми ты, мы и им не поможем, и себя погубим, – тяжело вздохнув, ответила Анисья, – отряды карателей будут приходить без конца. Люди сопротивляются им, потому что надеются на нас. А если мы уйдем, они сдадутся, и все успокоится. Пойми ты, мы только продлеваем агонию.

– Нет, я не согласна, надо бороться, – возразила Евдокия.

– Это все равно что червяку бороться с лопатой, – грустно улыбнулась Анисья. – Тот, кто управляет лопатой, далеко, и червяку до него никогда не дотянуться. А борьба с лопатой заканчивается тем, что червяка разрубает пополам.

– Я не червяк, – неуверенно возразила Евдокия, исподлобья поглядывая на сестру. – Хорошо, может, ты в чем-то права. Но куда нам уходить-то?

– Я пока еще не придумала, – честно призналась Анисья.

– Ну, так как придумаешь, дай знать, – хохотнула Евдокия, – много ты думать стала в последнее время. Мужика тебе надо.

– Да при чем тут это, – покраснела Анисья и поспешила скрыться за дверь.

К приходу Анисьи в штабе уже собрались все, кто имел право принимать решения. Пакин поднял глаза от карты, расстеленной на большом столе, и внимательно посмотрел на атаманшу, стараясь понять, кто из сестер на этот раз перед ним.

– Так, раз все собрались, тогда начнем, – взяла с места в карьер Анисья, упреждая возникшие у людей вопросы. – Красные собирают против нас карательный отряд. Мы должны устроить им засаду. У них от пятидесяти до ста человек, поэтому открытый бой нежелателен и сюда их лучше не допускать. Разобьем на подходе к горной части. – Она подошла к карте и указала: – Вот здесь у Синего озера устроим засаду. Окружим и будем бить из леса. Им останется только в озере топиться.

– А какой качественный состав их отряда, – поинтересовался Пакин, разглядывая карту, – кто нам будет противостоять?

Анисья повернулась за помощью к Томыспаеву, стоявшему рядом.

– Человек десять-пятнадцать солдаты, около тридцати человек милиционеры, а остальных набрали из местных коммунистов. Добровольцы.

– Ну, значит, не все так плохо, – улыбнулся Пакин, и глядя на него, заулыбались остальные.

– А откуда вообще узнали про планы городских? – подал голос Федор Лопухов.

– Да, откуда? – спохватился Пакин.

– Духи сказали, – просто пояснил шаман.

Пакин только выругался и зло сплюнул:

– Мне эти разговоры о духах уже поперек горла стоят!

– Так, разговорчики, – зычно крикнула Анисья, перекрывая поднявшийся ропот, – я ручаюсь за эту информацию. Мы должны быстро подготовиться и ответить красным.

* * *

Поздно вечером Евдокия блаженствовала в натопленной бане, которая примыкала к их дому и являлась личной баней атаманши. Им предстоял бой, результат которого никто не решался предугадать, даже шаман, и Евдокия решила, что если придется завтра лечь в землю, то она ляжет чистой. Сестра напарила ее березовым веником, развесила в предбаннике постиранную одежду и ушла, а Евдокия сказала, что хочет еще немного попариться, чтобы вся зараза вышла. Переставив свечу с лавки на подоконник небольшого оконца в предбаннике, она выпила кружку холодного квасу и, вернувшись в парилку, легла на полотах. Поддавать не стала, и так было достаточно жарко. Постепенно воздух в парной начал остывать. Евдокия задремала на мгновение, а затем резко открыла глаза. У дверей послышался едва слышный шорох. Она не сомневалась, что это человек. Следом чуть скрипнула дверная петля. Евдокия бесшумно соскользнула с полатей, схватила с лавки охотничий нож с широким зазубренным с одной стороны лезвием, подскочила к двери, затаилась у косяка и стала прислушиваться. Послышались мягкие осторожные шаги в предбаннике. Было ощущение, что неизвестный шел босиком. Непонятные шорохи. Затем снова осторожные шаги. Наконец дверь отворилась, и на пороге возник незнакомец. Евдокия врезала ему коленом в живот, налетела всем телом, прижала к косяку, вцепилась в волосы, откидывая голову назад, и приставила нож к горлу.

– Дуся, да это я, – испуганно прошептал неизвестный, даже не пытаясь сопротивляться.

Евдокия быстро сообразила, что гость голый, отпустила волосы, опустила руку, заслоняющую свет от свечи в предбаннике. Тень сползла с лица мужчины, и атаманша узнала в незнакомце Серого.

– Я как увидел свечку в окне, сразу сюда, – прохрипел Серый с улыбкой, – в потемках показалось, что ты вышла и пошла в дом. Думал, тут никого нет. Решил зайти и подождать. Что, неужто правда хочешь прирезать меня? Надоел, да?

– Я думаю, – хищно улыбнулась в ответ Евдокия, отшвырнула нож в сторону и жадно впи-
лась в его губы своими губами. Он ответил ей, заключил в объятия, прижал к стене. Евдокия
застонала, обхватила его бедра ногами, уткнулась лицом в шею и прошептала: – Любимый...

* * *

Из числа работников милиции и уголовного розыска удалось набрать двадцать восемь человек. Трефилов собрал кого только мог. Кроме того, Гаврила Андреевич не хотел совсем обескровливать город. На ключевых точках остались надежные люди. Многим из них придется пахать в две смены, чтобы обеспечить порядок и безопасность на улицах. Окрвоенком Дудницкий, как и обещал, привел двенадцать человек и помог с вооружением. Отряд получил два пулемета, четыре десятка винтовок, ящик гранат и боеприпасы. Председатель окрисполкома собрал по району шестьдесят пять человек. Все проверенные коммунисты. Одно было плохо, что и половина из них никогда не принимала участия в боевых действиях. Еще Красин частично обеспечил отряд транспортом, выдал три телеги и три десятка лошадей, которых одолжили в соседнем колхозе. Построение провели перед зданием исполкома на городской площади. Трефилов, Красин и Дудницкий прошли вдоль строя, проверяя боеготовность добровольцев. Потом они отошли в сторонку, где Трефилов высказал все, что думает об этом:

– Дело дрянь.

– Почему? – нахмурился Дудницкий.

– По-моему, вы не правы, Гаврила Андреевич, – немедленно возразил Красин, – людей достаточно. Информацию о том, где базируется банда, мы получили из надежных источников. Осталось скрытно подобраться к их стойбищу, окружить и перестрелять. Даже если мои люди не военные, а простые рабочие и служащие, на курок-то нажать они смогут.

– Ну, для начала к бандитам надо скрытно подобраться, – скривился Трефилов, – бан-
диты, думаю, не дураки и выставят вокруг охранение.

– Да чего нам их охранение, – фыркнул Дудницкий, рвавшийся в бой, – вперед пойдут опытные бойцы, снимут часовых, а потом подойдут остальные и смешают это осиное гнездо с дерьмом.

– Не думаю, что все так просто будет, – покачал головой Трефилов. Обернувшись к строю, он вызвал первого попавшегося добровольца из числа партийцев и указал на консервную банку, лежавшую в пятнадцати метрах от них: – Боец, сможешь попасть вон в ту банку?

Мужчина молча, с каменным лицом передернул затвор, быстро прицелился и выстрелил. Пробитая пулей банка отлетела в сторону.

Брови Трефилова подались вверх от удивления:

– Принимал участие в боевых действиях?

– Нет, – хмуро ответил доброволец.

– Где научился стрелять? – поинтересовался Трефилов.

– На заводе были курсы боевого инструктажа, – пояснил боец и по приказу начальника милиции вернулся в строй.

– Что, Гаврила Андреевич, убедились, насколько подготовлены обычные рабочие, – засмеялся Красин, – каждый коммунист в трудный час с оружием в руках может встать на защиту родины и партии.

– Да, не все так плохо, как вы тут нам пытаетесь изобразить, – поддакнул Дудницкий, опра-
вляя гимнастерку.

– А это что еще такое? – слова Трефилова были обращены к конному отряду из десяти человек, появившемуся на площади. На конниках была форма сотрудников ОГПУ: фуражки с красным околышем, темно-синяя гимнастерка, шаровары. Впереди ехал заместитель начальника окротдела ГПУ Тарасенко – среднего роста, крепко сбитый, с маленькими, глубоко посаженными глазами-буравчиками и квадратным подбородком, делавшим его похожим на бульдога. В красной петлице у особиста красовались три прямоугольника – «шпалы». Отряд подъехал к ним на фоне всеобщего молчания. Слышно было только, как цокают копыта коней по мостовой. Проворно спрыгнув с лошади, Тарасенко поздоровался с ними и сообщил, что он берет командование отрядом на себя.

– Как это на себя? – возмутился Павел Игнатьевич.

– Вы возражаете? – глаза-буравчики Тарасенко впились в Красина.

– Нет, – буркнул председатель окрисполкома.

– Раз все собрались и готовы, то выступаем, – приказал Тарасенко, – стройся в колонну по двое! Одна телега с пулеметом впереди колонны, одна сзади...

Все вокруг пришло в движение. Пятерых чекистов Тарасенко поставил сзади колонны, четверых впереди, а сам верхом подъехал к оседлавшим своих коней бывшим руководителям похода и потребовал показать ему маршрут движения.

– Откуда сведения о дислокации банды? – поинтересовался он, рассматривая карту.

– Из надежных источников, – проворчал Красин недовольно.

– Вы ручаетесь головой за эти самые источники? – ледяным тоном спросил чекист.

Председатель окрисполкома даже растерялся от подобной постановки вопроса.

– Да, ручаюсь, – после некоторого колебания выдавил он из себя, чувствуя на себе жгучий взгляд Тарасенко.

– Я это запомню, – пообещал чекист и поскакал в голову колонны.

* * *

Прямо с поезда Алексей поехал в окротдел ОГПУ. Его проводили к начальнику Трубину Виктору Геннадьевичу, который оказался веселым общительным крепышом, ростом чуть больше полутора метров. Лысый, в очках с толстыми стеклами, он улыбался, открывая отсутствие половины зубов, и тараторил скрипучим голосом, расхваливая Ленинград, хохмил, хлопал Алексея по плечу, заверял, что очень благодарен руководству за помощь, при этом не давал вставить гостю ни слова.

– Мне бы с материалами дела познакомиться по ограблению поезда, – произнес наконец Алексей, когда Трубин отвлекся, чтобы отпить чаю и закурить.

– Конечно, ознакомишься, – пообещал Трубин, – не исключено, что сегодня ты даже встретишься с кем-нибудь из этих бандитов.

– То есть, – не понял Алексей, – кого-то уже поймали?

– Пока нет, но скоро поймают, – заверил Трубин, – пока суд да дело, мы тут собрали отряд и отправили его на поиски бандитов. Уж кого-то они точно возьмут живым.

– А я что же? – растерялся Алексей. – Может, я их еще успею догнать? Я же специально из-за этой банды сюда ехал.

– Догнать вряд ли догонишь, – покачал головой Трубин, – места у нас глухие. Заблудишься. А в провожатые тебе сейчас дать некого. Да и места, куда отправился отряд, кроме руководителей отряда, никто не знает. Оставайся здесь. Поможешь потом с допросами пленных...

– С допросами, – стиснул зубы Алексей, – черт возьми! Я не для этого сюда ехал из Ленинграда.

– Да не расстраивайся ты так, – решил подбодрить его Трубин, – мы тут особый отряд формируем для подавления крестьянских восстаний. Могу назначить тебя командиром.

– Ну, спасибо за доверие, – выдохнул Алексей. – Я это... выйду, прогуляюсь.

– Зайди в спецстоловую, перекуси с дороги, – посоветовал Трубин на прощание.

От здания спецстоловой исходил приятный запах, и Алексей сразу понял, что чертовски голоден. Сглотнув, он вывернул из-за угла и сразу увидел их... С десятков оборванных изможденных детей, напоминавших больше живые скелеты с большими напряженными глазами, стояли у здания столовой со стороны входа и с надеждой провожали входящих и выходящих людей. Чуть поодаль на земле лежал старик, прикрытый лохмотьями. Глаза у него были закрыты, и нельзя было понять, жив он или нет. Такую картину в последнее время Алексей наблюдал не раз даже в Ленинграде. Попервой многие работники властных структур не выдерживали и начинали кормить этих людей. Однако подобное легкомысленное поведение строго каралось. Они снимались с должностей и исчезали из рядов партийной номенклатуры навсегда. В совершенно секретной инструкции ЦК говорилось: «Самое страшное, если вы вдруг почувствуете жалость и потеряете твердость. Вы должны научиться есть, даже когда кругом все будут умирать от голода. Иначе некому будет вернуть урожай стране. Не поддавайтесь чувствам и думайте только о себе». Считалось, что настоящий коммунист должен обладать железным сердцем, не иметь чувств и без размышлений выполнять любой приказ руководства. Алексей поймал себя на мысли, что он, похоже, скоро будет соответствовать этим критериям. Он спокойно прошел мимо голодных детей и постучал в дверь столовой, спиной ощущая их взгляды. К человеку в форме ОГПУ никто из голодающих подойти не решился. Дверь открыл высокий повар в белом халате и колпаке. Здесь он был царь и бог. Сытое надменное лицо с отсутствием всяких эмоций, потухший безразличный взгляд. Он даже не спросил у Алексея никаких документов. Видно, ему уже позвонили. Все столики, за исключением одного, были пусты. Он сел в углу и тут же перед ним появилась тарелка аппетитно пахнущего борща с куском мяса, гречневая каша с котлетами, пирожки с повидлом и стакан компота.

– Извините, меню у нас сегодня скудное из-за перебоев с продовольствием, – с виноватой улыбкой произнесла симпатичная чернявая официантка, расставляя перед ним тарелки.

– Переживу, – буркнул Алексей, взял ломоть свежего ржаного хлеба, опустил ложку в борщ и вспомнил лица голодных детей. Эти были еще хуже, чем в Ленинграде. Видимо, в глубинке люди бедствовали во сто крат сильнее и подачками из спецстоловой тут не поможешь. Нужно было поднимать промышленность, сельское хозяйство, но сами люди этому мешали, не желали идти в колхозы, не желали работать за трудодни. Всю страну сотрясали крестьянские бунты, орудовали банды. Когда же все это кончится? Проглотив через силу несколько ложек, Алексей почувствовал, что у него кусок в горло не лезет. Видимо, он еще недостаточно закалил свою волю. Глаза голодных детей буквально преследовали его. Было件нятно, что они долго не протянут. Наверное, сироты. Родители умерли или были убиты. Алексей мысленно приказал себе не думать об этом, запихнул в рот очередную ложку борща и с завистью посмотрел на стол в центре зала, за которым сидел хорошо одетый пожилой мужчина интеллигентного вида с аккуратной бородкой, в очках и в костюме-тройке и с аппетитом уписывал кашу, не забывая себе голову всякой ерундой. Мужчина почувствовал его взгляд, поднял глаза и кивнул в знак приветствия. Алексей вяло кивнул в ответ. Закончив с кашей, мужчина взял кофе и пирожки и бесцеремонно подсел к нему за столик:

– Вы не возражаете?

– Да что уж теперь, присаживайтесь, – буркнул Алексей недовольно. В эту минуту он меньше всего нуждался в собеседниках.

– Антон Семенович Рыков, – протянул руку незнакомец, – я сегодня приехал в город и никого здесь не знаю, поэтому извините за навязчивость. Чувствую себя не в своей тарелке. Тут все не так, как в Москве.

– Так вы из Москвы по делам сюда приехали? – представившись, поинтересовался Алексей. Про себя он решил, что человек, должно быть, не простой, раз сразу с поезда и в спецстоловую.

– Да, я ученый-историк, профессор МГУ, – огорошил его Рыков, – вот приехал сюда по заданию партии собирать сведения о славных победах Красной армии в Сибири. Мы готовим книгу о разгроме Колчака.

– Но, если мне не изменяет память, основные бои были значительно севернее Меднинска, – осторожно вставил Алексей и сам не заметил, как за разговором съел борщ и перешел на кашу.

– Эта местность – белое пятно на карте Гражданской войны, и я призван устранить эту недосказанность, – заявил Рыков с серьезным видом, – ведь здешние люди не остались в стороне от войны. Здесь так же, как и везде, происходило становление советской власти, были победы над классовыми врагами, свои трудности, специфика.

– Наверное. Только мне про это, к сожалению, ничего не известно, я тоже не местный, – признался Алексей, – сегодня приехал из Ленинграда.

– Командировка? – догадался Рыков.

– Да, – коротко ответил Алексей.

– О цели я уж и не спрашиваю, понимаю, что не положено, – махнул рукой профессор.

– Точно, не положено, – поддакнул Алексей.

– Слушайте, а вы мне не поможете в одном деле? – заискивающе начал Рыков.

– По мере возможностей, – сухо ответил Алексей, поражаясь наглости нового знакомого. Профессор пер как танк.

– Я успел пообщаться с местными и узнал об общине староверов, которые живут тут неподалеку в лесу. Мне бы к ним попасть.

– Не понимаю зачем, да и при чем тут я, – пожал плечами Алексей.

– Я считаю, что у них могут быть интересные сведения о боевых действиях в здешних лесах, – не стал вдаваться в подробности Рыков, – а вы можете поспособствовать, чтобы мне выделили провожатых. Мне бы, видите ли, хотелось вернуться живым из здешних лесов, иначе кто же закончит книгу?! А тут, говорят, банда промышляет, поэтому у меня имеются некоторые опасения.

– Ладно, постараюсь что-нибудь сделать, – кивнул Алексей.

3

Отряд продвигался в глубь тайги все медленнее и медленнее, так как начались совершенно дикие места. Однако вскоре они вышли на старую разрушенную дорогу и зашагали по настилу из сгнивших бревен. Тарасенко сверился с картой. До логовища бандитов оставалось меньше трех километров.

– Всем приготовиться, – скомандовал он, обернувшись к бойцам, – передвигаться максимально тихо, не курить, не разговаривать.

Практически в полной тишине они двинулись дальше. Красин с мрачным видом достал из кармана небольшую фляжку с коньяком и незаметно отхлебнул. Но у Тарасенко словно на затылке глаза имелись.

– Отставить, – зашипел он со злостью, приблизившись к начальнику окрисполкома.

– Все, – пообещал Красин недовольно.

В этот момент что-то насторожило Тарасенко. Он остановился и посмотрел в глубину леса. Трефилов и Дудницкий вопросительно посмотрели на командира, потом на Красина. Красин пожал плечами, так как сам ничего не понимал.

И вдруг из леса прозвучали выстрелы. Один, другой, третий.

– К бою! – заорал Тарасенко, резко развернув коня. Сам выхватил из кобуры пистолет и ответил неприятелю десятком пуль. Красин также выхватил оружие, но не знал, в кого стрелять. Противник оставался для него невидимым. Бойцы отряда кто залег, кто спрятался за деревом, кто за телегой, но все как один открыли огонь из всех видов оружия по лесу. На телегах развернули пулеметы. Свинцовый шквал косил кусты, папоротники. Пули обезображивали и расщепляли стволы деревьев.

– Отставить огонь, – заорал из всех сил Тарасенко, перезаряжая свой пистолет. Бойцы неоправданно расходовали боезапас, а неприятель тем временем прекратил всякую деятельность. Может, это была небольшая группа бандитов, возвращавшихся в логово, и сейчас они уже лежат мертвые, а бойцы отряда в это время молотят пулями просто по лесу. Выстрелы стихли. Наступила звенящая тишина. Надо было проверить лес. Тарасенко обернулся к начальнику милиции: – Трефилов, возьмите с собой пятнадцать бойцов и проверьте лес.

– Есть проверить, – буркнул хмурый Трефилов. Идти в лес, где их черт знает что ожидало, ему не хотелось, но возражать приказу не стал. Выбрав из отряда солдат Дудницкого, он приказал им растянуться в цепь. Сам встал впереди с «наганом» и, скомандовав «вперед», повел цепь в чащу, туда, откуда по ним до этого стреляли. Они шли, продираясь сквозь ветки, однако ничего подозрительного не обнаруживалось – ни следов, ни трупов. В какой-то момент Трефилов потерял из виду солдата, шедшего справа. Тот скрылся за кустами и как в воду канул. – Эй, – окликнул Трефилов растерянно. Повернулся и увидел, что солдат слева от него тоже исчез. Секунду назад был, а потом словно в воздухе растворился.

– Что за черт? – пробурчал он.

И тут совершенно бесшумно стрела пробила ему плечо. Если бы он не повернулся, то получил бы прямо в сердце. Изумленный Трефилов схватился за древко, торчавшее из тела, попятился, сделал, как пьяный, несколько шагов в сторону и, споткнувшись, упал. Следующая стрела пролетела у него над головой и вонзилась в ствол дерева. Перекатившись через поваленный ствол, Трефилов едва не провалился в яму, дно которой было утыкано кольями. Боец, который исчез, висел там, пронзенный насквозь в трех местах. В пяти метрах он увидел другого бойца – его пригвоздило двумя стрелами к дереву.

Ведь знал, что не надо идти в лес, с тоской подумал Трефилов, судорожно водя стволом пистолета по сторонам. Кричать было бессмысленно. Он пополз на животе и уткнулся в натянутую между деревьями струну. Струна вела к противопехотной мине, укрепленной на

дереве. Трефилов опознал в mine малый шрапнельный фугас образца 1915 г. Такие использовались еще в Первую мировую для обороны проволочных заграждений. Фугас представлял собой небольшой жестяной цилиндр с двойными стенками. Во внутреннем пространстве помещался заряд, а в междустенном пространстве – куски железа. В середине фугаса имелся канал для вкладывания ударного воспламенителя. Трефилов присмотрелся. От чеки воспламенителя шли проволоки к другим деревьям, поперек направления приближения противника от дороги. При спуске ударника от натягивания проволоки происходил сигнальный взрыв. «Хитро рассчитали, черти», – подумал он с заледеневшим сердцем, удивляясь тому, что никто из них до сих пор не взорвался. Он бы мог разминировать мину, но в этом не было смысла. Самым правильным было ползти к дороге.

– Что-то они долго не возвращаются, – пробормотал обеспокоенный Тарасенко себе под нос. Он выждал еще три минуты и громко крикнул: – Трефилов, назад! Приказываю возвращаться!

В ответ на его голос справа в лесу послышался треск веток. Все онемели, увидев окровавленного солдата с торчащими из груди стрелами, который, шатаясь, шел к ним.

Тарасенко хотел подать команду, но не мог сообразить, что он, собственно, хотел командовать. Вдруг позади бойца из земли со свистом вылетел фугас, приведенный в действие, скорее всего, растяжкой. В доли секунды Тарасенко разглядел жестяной цилиндр, натянувшуюся из земли цепочку, которая выдернула терочный запал. Он хотел крикнуть, чтобы все ложились, но успел только открыть рот, как его снесло взрывной волной с лошади. Шрапнельный снаряд, снаряженный тремя фунтами шнейдерита и десятью фунтами лома металла, заменяющего пули, выплюнул наружу свою смертельную начинку. Тарасенко защитила лошадь. Все осколки достались ей. Зам. начальника окротдела ОГПУ лежал на спине и видел, как вокруг, обливаясь кровью, падают иссеченные люди. Он едва успел отстраниться от упавшей лошади. Послышались дикие вопли, хрипы и стоны умирающих. Лес заволочло дымом.

Кто-то крикнул, что надо отступать.

– Бежим, нас окружают, – поддержали его с двух сторон, и добровольцы беспорядочной толпой рванулись назад по дороге.

– Стоять! – не своим голосом заорал Тарасенко, поднимаясь с пистолетом в руке. Он выстрелил несколько раз в воздух. Чекисты, замыкавшие колонну, встали на пути убежавших и также начали стрелять в воздух. Это отрезвило людей. Они остановились.

– Всем держаться вместе, – командовал Тарасенко, – эти сволочи только и ждут, чтобы мы дрогнули, побежали, чтобы добить поодиночке. Если побежите, то никто живым из леса не выберется. Стройся в колонну! Четверо к пулеметам! Держите лес под прицелом. Помогите раненым! Медикаменты в телегах.

Он обернулся и с облегчением увидел, что и Красин и Дудницкий живы, а погибших было меньше, чем ожидал. Человек пятнадцать лежали в зоне поражения фугаса, не подавая признаков жизни. От бойца, который привел мину в действие, мало что осталось. На ветвях висели окровавленные тряпки.

Красин, покрытый пылью с ног до головы, подошел к нему и потребовал командовать отступление, пояснив:

– Мы не сможем идти дальше. У нас раненые и убитые.

– Назад в такой ситуации идти тоже нельзя, – спокойно возразил Тарасенко, – сейчас бандиты сбежали, но они будут нас преследовать и бить исподтишка. Я знаю эту тактику. Мы разделим отряд. Раненые останутся здесь, а остальные пойдут вперед. Они не ожидают, что мы продолжим наступление. Быстрый марш-бросок, и мы накроем их логово.

– Я не согласен, – попытался было возразить начальник окрисполкома и осекся, увидев, как чекист демонстративно передернул затвор пистолета.

– Кто не с нами, тот против нас, – криво усмехнулся Тарасенко, прозрачно намекая на то, что будет при невыполнении приказа.

– Я думаю, что нужно продолжить наступление, – поддержал чекиста Дудницкий, – осталось всего-то ничего.

– Вы останетесь с ранеными, – приказал Тарасенко Красину, а затем поймал бегавшую рядом лошадь, которая осталась без седока, запрыгнул в седло и скомандовал: – Стройся!

Окровоенком на своей лошади встал рядом с ним и тут же получил пулю в голову, которая предназначалась командиру отряда. Одинокий выстрел прозвучал из леса. Кровь брызнула из простреленной головы. Дудницкий уткнулся лицом в лошадиную гриву и мешком свалился на землю. Быстро пригнувшись, Тарасенко выстрелил наугад в сторону леса. Его примеру последовали остальные.

– Не стрелять, – быстро опомнился Тарасенко, – берегите патроны. Выдвигаемся вперед.

Из леса снова прозвучал одиночный выстрел. Чекист вздрогнул, но, похоже, на этот раз стреляли не в них. В глубине леса кто-то вскрикнул. Затем все затихло. Красин стоял на коленях у тела убитого товарища и пытался нащупать пульс, потом понял, что напрасно. Уцелевший глаз окровоенкома остекленело таращился в небо. Дудницкий был мертв.

– Вперед! Шагом марш, – отрывисто командовал Тарасенко и, пригибаясь к лошади, проехал вперед вдоль колонны.

– Оставьте нам хотя бы один пулемет, – возопил Красин, увидев, как телеги с пулеметными расчетами тоже уезжают. Тарасенко не удостоил его ответом.

* * *

Федор Лопухов был не только отличным охотником, но еще и сапером. Он служил в царской армии, дослужился до штабс-капитана, потом получил тяжелое ранение и ушел на гражданку. Через год случилась революция. Когда к городу подошли красные, он ушел в леса и так там и жил, пока не примкнул к банде. В бандитских набегах он не участвовал, так как не любил кровь и насилие, однако когда пришло известие, что красные снарядили в лес отряд для уничтожения банды, Федор согласился дать бой. Во время своих скитаний по тайге Лопухов обнаружил небольшой склад с боеприпасами в пещере, который, по всей видимости, остался от отступавшей армии Колчака. Атаманша выделила ему четверых человек, местных манси, охотников, и они вместе перевезли из пещеры в лес с десятков мощных противопехотных мин. Заминировав обочину дороги, они стали ждать появления отряда. Все прошло как по нотам. За исключением того, что красные прошли мимо мин. Только одна сработала. Устанавливая заряды, Лопухов рассуждал как охотник, выбирал наиболее удобные для движения места, а красноармейцы просто тупо растянулись в цепь и пошли напролом. Пришлось поработать руками. Несколько бойцов попали в ловушки. Остальных бесшумно убивали стрелами и ножами. Лишь командир разведгруппы красных вывернулся. Избежав стрел, он убил одного из группы Лопухова. Все из-за варварской привычки охотников снимать скальпы с убитых. Погибший раньше времени решил захватить трофей, служивший показателем статуса воина, доказательством его доблести, и поплатился за это. Федор принял решение не преследовать выжившего противника, отступить, чтобы поспешить к озеру. Отряд красных разделился на две части, и большая часть бойцов продолжала движение по маршруту, поэтому следовало подготовить им встречу. Федор попытался было убить командира отряда, облаченного в ненавистную форму ГПУ, но тому поразительно повезло. Пуля поразила другого, а Лопухову пришлось срочно ретироваться из-под шквального огня.

Теперь они быстро двигались к Синему озеру. Султанко Ершиков и Чухла Вогалхов несли на носилках тело убитого охотника. Федор и седой крепкий манси, которого все называли Кучумом, шли сзади, прикрывая. На поясах охотников красовались свежеснятые скальпы

красноармейцев. Чуть дальше на поляне у болота паслись их лошади, привязанные к деревьям. К седлу жеребца Федора был приторочен мощный фугас. Его он оставил напоследок. До озера оставалось два километра. Это расстояние на лошадях они покрыли в два счета. У выхода дороги к озеру Федор решил установить гостинец для красных. Чухла повез убитого в лагерь, а остальные спешили и принялись копать яму справа от дороги. Выкопанную землю осторожно складывали на расстеленную шкуру. Глубины в полметра было достаточно. Перед установкой фугаса в яму Федор вывинтил из дна устройства пороховую коробку с запалом и через открывшееся отверстие вытянул и расправил цепочку с разъемным ушком-карабином. Затем он поставил фугас крышкой на землю. В петлю вытяжной трубки просунул конец проволочного карабина, который затем сжал настолько, чтобы один конец его заскочил за другой, и повернул карабин так, чтобы место сгиба пришлось у петли вытяжной трубки. Осторожно вводя колодочку с вытяжной трубкой и капсюлем в центральное отверстие в дне снаряда, Федор наблюдал, чтобы головки двух винтов по бокам отверстия прошли через полукруглые вырезы в шайбе колодочки. Затем он ослабил оба винта отверткой, повернул ключом шайбу на одну четвертую круга, чтобы края ее прились под головками винтов, и завернул винты до отказа. Вытер со лба выступивший пот и продолжил работу, думая о подходящих врагах. Он должен успеть до их появления уничтожить все следы и замаскировать мину.

Выверенным движением Федор повернул фугас боком и уложил всю цепочку в пространство между донцами корпуса и снаряда, следя, чтобы она не выходила за края отверстия в дне корпуса. Снял с пороховой коробки предохранительную жестяную крышку и ввинтил руками коробку в дно фугаса до отказа. Растяжки крепить не стал, а вместо этого снял с заряда замыкатель Стендера, реагирующий на натяжение проволоки, напрямую прирастил к проводникам от запала провода от сети к подрывной машинке, которая была пригодна для взрывов искровых и платиновых запалов. После, продев в нижнее кольцо фугаса палку длиной около метра, опустил фугас вместе с палкой в яму, закрепил его там и тщательно заполнил землей промежутки между стенками фугаса и ямы до самой крышки, аккуратно утрамбовывая ее, чтобы грунт лежал плотно. Закончив с этим, отогнул вниз концы лапок, придерживающих крышку фугаса к корпусу, засыпал яму землей окончательно и замаскировал ее, уложив на место срезанный дерн, расправил траву, присыпал немного прелой листвой и пожелтевшими хвойными иголками. Провода разматывали сообща. Федор разматывал полевой провод с катушки, Султанко копал канавку, Чухла укладывал в нее провод, а шедший следом Кучум засыпал и замаскировывал. Работа была не из простых. До укрепленных блиндажей на холме провода не хватило. Федору пришлось искать укрытие у подножия холма. Прикинув, он залег за поваленным деревом, примостил рядом подрывную машинку и достал из кобуры пистолет. Охотники полезли вверх, доложить атаманше об успехах.

* * *

Красин успел много раз пожалеть, что ввязался в этот поход против банды, грабившей поезда. Сидел бы он сейчас в своем кабинете и ждал донесений из лесов о ходе операции. Пусть бы Тарасенко командовал, если ему так нравится. Но он пошел и теперь сидел посреди непролазной тайги с десятком израненных бойцов практически без оружия, а вокруг тем временем бродили кровожадные убийцы, мечтавшие перерезать им горло и снять скальпы. Бойцы сидели, прислонившись к стволам деревьев, по обочине дороги с оружием наготове и бинтовали раны. Трупы никто не убирал. Тарасенко распорядился, чтобы всех убитых сложили в одно место, собрали оружие, документы, но Красин и не подумал отдать такой приказ. Возможно, в лесу оставались еще бандиты. Он не хотел рисковать оставшимися людьми попусту. Трупы никуда не денутся. Где-то рядом треснула ветка. Прижимаясь к стволу громадной сосны

и обливаясь потом, Красин быстро выглянул из-за укрытия, затем спрятался назад, не заметив ничего подозрительного.

– Должно быть, показалось, – сказал он сам себе и крепче сжал рукоятку револьвера – это да еще две гранаты – весь его арсенал. У остальных и того хуже. Кто с винтовкой, кто с револьвером. Патронов у всех в обрез. Треск веток повторился, но на этот раз ближе.

Если бандиты попрут на них, то останется только сдаваться и надеяться, что им оставят жизнь, в панике подумал Красин, схватившись за гранату. Затем пришла другая мысль, от которой у него все похолодело внутри: может, кого-то и пощадят, но только не его. Начальника окрисполкома все знали в лицо. Он руководил карательными операциями против бунтовщиков, лично расстреливал бандитов, вредителей, организовывал аресты и вывоз кулаков и их семей, подавал списки на раскулачивание куда следует. Его знали и ненавидели многие, а среди бандитов было полно беглых крестьян, которые не пожелали вступить в колхоз. Нет, не будет ему пощады.

Боец у соседней сосны насторожился, вскинул ружье и выкрикнул в лес:

– Стой, кто идет!

Придурок, так тебе и ответили, тоскливо подумал Красин, вырвав чеку из гранаты. Выхода не было. Завопив: «Умри, сволочь!», – он выскочил из укрытия, швырнул наугад в кусты гранату, затем бросился на землю, после чего грянул взрыв. Сверху посыпались комья земли, всякий мусор, листья, ветки.

– Стреляйте в них! Огонь! – надрывно заревел Красин бойцам. Те не очень понимали, что происходит и где враг, однако нервы у всех были на пределе, поэтому повторять приказ дважды не пришлось. Стреляли из всего, из чего можно было стрелять, пока не кончились патроны. Красин, потеряв остатки самообладания, лежал, уткнувшись лицом в землю. Он зажал ладонями уши и тихо стонал, повторяя про себя отрывок какой-то молитвы, который его заставляли учить в детстве. Наконец, вдалеке затихло эхо последнего выстрела, и наступила тишина. Только пороховой дым пеленой полз над дорогой да шумели деревья.

– Не стреляйте, суки, это я, Трефилов, – заорал не своим голосом из кустов чуть в стороне от места взрыва гранаты оглохший начальник милиции.

– Гаврила? – удивленно переспросил Красин, поднимаясь.

– Отставить стрелять, вашу мать, – рявкнул Трефилов и, пошатываясь, вышел из кустов. В плече у него торчала стрела. Фуражки не было. Черные курчавые волосы забиты листьями и веточками. На щеке ссадина. – Совсем охренели! – В изнеможении Трефилов привалился к сосне, осел по ней на землю и закрыл глаза.

– Ты жив, жив, чертяка, – пролепетал счастливый Красин. С появлением милиционера в его душе появилась надежда и животный страх несколько притупился. Теперь он был не один. Теперь они могут что-нибудь придумать. Перебежав от одного ствола дерева к другому, Красин оказался рядом с начальником милиции и заботливо спросил: – Ты ранен?

Трефилов покосился на него, но ничего не ответил. Осторожно он исследовал стрелу, засевшую в плече, обломил наконечник, скривился от боли, а затем рывком выдернул древко из раны. Новая кровь выплеснулась на побуревшую гимнастерку.

– Вот так, – Красин прижал рану носовым платком.

– Бинт, – прохрипел Трефилов.

Сидевший рядом худенький парнишка в серой кепке, с простреленной ногой, бросил ему остатки бинта, которым он перевязывал себе ногу. Красин помог начальнику милиции остановить кровь, перевязать рану, пока тот рассказывал, что он успел увидеть в лесу.

– Да, дали мы маху, Павел Игнатьевич, они хорошо подготовлены, вооружены, а мы вот так, сломя голову, бросились напролом... В лесу везде ловушки. Наверное, они окружили ими весь свой лагерь. И еще мины. Откуда только достали, сволочи? Вон как фугас долбанул.

– Они, наверное, нашли в лесу старый склад боеприпасов, что беляки оставили, отступая, – предположил Красин.

– Скорее всего, – кивнул Трефилов, – но от этого не легче. Зря Тарасенко пошел дальше. Людей только положит. Надо было вернуться и подготовиться.

– Я предлагал отступить, – вздохнул Красин, – но ему разве докажешь. Хрен с ним. Надо самим выбирать. Гаврила, что думаешь?

* * *

У Синего озера на вершине были наспех вырыты и обустроены три блиндажа с бойницами. Напряженная работа кипела все утро вплоть до момента, когда из леса появилась группа разведчиков, возглавляемая Федором Лопуховым. Через минуту перед Евдокией держал отчет Кучум:

– Красные идут сюда, больше полсотни. Через полчаса будут. Некоторые на лошадях впереди. Воевать не умеют. У нас одного убили, а мы у них два десятка. И еще бомбой взорвали. Много раненых. Они там их в лесу оставили...

– А чего Федор сам не доложил? – хмуро спросила Евдокия, недовольная поведением подчиненного.

– Он там со своей адской машинкой возится, взорвать красных опять хочет, – пояснил Кучум, – мы большую бомбу там у дороги закопали.

– Ладно, иди, – махнула рукой Евдокия и повернулась к своим военачальникам. Пакин с десятью головорезами должен был держать правый фланг, Серый со своими парнями – левый, а она с Патрикеем собиралась биться в блиндаже по центру. С ними было еще десять человек. Все опытные, проверенные бойцы. Итого тридцать пять человек.

– Что думаете, господа? – поинтересовалась Евдокия.

– Я предполагал, что так все и будет, – бойко ответил Пакин, – люди у них плохо подготовлены, бьются об заклад, и вооружены кое-как. Им нас не взять здесь.

– Надо биться так, чтобы они подумали, что у нас тут лагерь, иначе они будут искать и рано или поздно найдут крепость, – напомнил всем Патрикей, поглаживая бороду. – Если что, отойдем и рассеемся по лесу. Пусть попробуют сыскать.

– Да мы их раньше разобьем, – уверенно возразил Серый, хорохорясь перед атаманшей.

– Предупреждаю, никому на рожон не лезть, – строго сказала Евдокия, – потери должны быть минимальными. Бить из укрытия. В атаку не ходить! Мне героизма не надо! Будет еще время для этого.

Когда все разошлись по своим местам, Патрикей тихо сказал атаманше с хитрым прищуром:

– Ведь разобьем этот, красные пришлют другой отряд, побольше...

– А мы и тот разобьем, – уверенно заявила Евдокия. Однако на самом деле уверенности в ее душе не было, особенно после слов сестры. Права была Анисья: вечно это продолжаться не может.

* * *

Они приближались к стоянке бандитов. Сверившись с картой, Тарасенко переместился из начала колонны ближе к середине. На душе у него было беспокойно. Бандиты готовили им сюрприз. Нужно было что-то предпринять. Он еще раз посмотрел на карту. Судя по отметкам на ней, у озера располагался небольшой холм. Бандиты будут укрываться за ним и бить с господствующей высоты. Но если их окружить и ударить сразу с нескольких сторон, то это снимет преимущество обороняющихся. Очень интересовало Тарасенко, что представляет собой

сам бандитский лагерь. Либо это какие-то шалаши, либо землянки, либо срубы. Поджечь их не составит труда. Он приказал бойцам наломать у дороги сучьев и изготовить факелы. Потом разделил отряд на три части. Две группы должны были обойти неприятеля с флангов, а он с основной группой пойдет в лобовую атаку, отвлекая внимание.

– Главное в лесу – смотрите под ноги, соблюдайте тишину и держитесь вместе, не растягивайтесь, – напутствовал он ударные группы, – теперь шагом марш! Помните, чтобы выбраться, мы должны победить этих сволочей...

Группы бойцов, каждая из двадцати человек, скрылись в зарослях по обе стороны от дороги. С ним осталось около тридцати человек. Трое легко раненых. Построив остатки отряда, Тарасенко повел бойцов дальше. Впереди среди деревьев над дорогой замаячил просвет. В воздухе пахло влагой и болотной тиной.

– Приготовиться, – скомандовал Тарасенко и пересел с лошади на телегу с пулеметом, тащившуюся сзади. Колонна рассыпалась. Еще двадцать метров, и Тарасенко скомандовал: – Вперед!

Бойцы в едином порыве ринулись вперед с оружием на изготовку. Лошади в телегах пошли рысью. Показалось озеро. Рядом был холм, поросший кривыми деревцами. Удалось пройти еще с десятков метров, когда с холма открыли прицельный огонь такой плотности, что атакующие мгновенно залегли. Кто не успел – был сражен в первые секунды боя. Затем бойцы открыли ответный огонь по бандитам. Телеги с пулеметами развернули, и пулеметы зло хлестнули очередями с двух сторон по холму. Пригибаясь от свистевших вокруг пуль, Тарасенко взглянул в бинокль. Противник расположился в трех укрепленных блиндажах. Позиции были оборудованы по всем правилам, и чекист с досадой подумал, что выкурить с холма бандитов будет очень не просто. Он ожидал чего угодно, только не этого. Его бойцы гибли один за другим. Смерть товарищей деморализовала добровольцев. Кто-то кричал, что он ранен, кто-то выкрикивал, что такой-то убит или что у него кончились патроны. Все это добавляло паники в ряды наступавших.

– Молчать, экономить патроны, – свирепо заорал Тарасенко, чувствуя, что еще мгновение, и бойцы не выдержат.

В этот момент в бой вступили фланговые группы, но пробить оборону бандитов им тоже не удалось. Те будто знали все наперед и ответили из всех стволов. Чекисты, шедшие впереди, были убиты сразу же, а остальные залегли.

– Мать твою, – простонал Тарасенко, глядя на то, как гибли его люди. В эту секунду они потеряли последний шанс на победу. Рядом с ним с телеги упал пулеметчик с пробитым глазом. Другой боец, что подавал патроны, лежал на ящике. В его затылке зияла дырка, а все лицо было залито кровью. Сжав зубы, Тарасенко запрыгнул на телегу, в бешеном темпе перезарядил «максим» и ударил по позициям противника, поддерживая атаку, организованную старшим уполномоченным ОГПУ Давыдовым. Он решил пройти по центру, пока противник сосредоточил все внимание на флангах. Поднявшись во весь рост, Давыдов выстрелил в воздух и закричал: «За мной!» – затем бросился вперед. За ним пошли остальные чекисты. Глядя на них, стали подниматься и добровольцы, но атака быстро захлебнулась, несмотря на поддержку. Давыдову под ноги упала граната. Взрывом его изуродованное тело отбросило назад. Осколки скосили еще троих чекистов. Остальных скосили пули. Добровольцы отхлынули хаотично назад.

– Сволочи! – заорал в исступлении Тарасенко, заряжая новую ленту в пулемет. – Сволочи!

Добровольцы бежали к лесу, падали, сраженные пулями, натыкались на колья, замаскированные в кустах, лезли в озеро и погибали там под шквальным огнем. Пули вспенивали красную от крови воду, настигая людей.

Тарасенко навел пулемет на ближайший блиндаж, но дать очередь не успел. Земля рядом гулко рыкнула и дрогнула. Это рванул фугас, приведенный в действие электроимпульсом.

От телеги на другой стороне ничего не осталось. Даже лошадь разорвало на куски. Телегу, в которой находился Тарасенко, перевернуло. Оглушенный и контуженный, он отлетел метров на десять в сторону, ударился о ствол дерева и потерял сознание. Озеро заволокло дымом.

* * *

– Им конец, – выкрикнул Серый и, вскочив на бруствер, заревел во все горло: – За мной, братцы! Добьем краснопузых! Никто не должен уйти!

Крикнув, он побежал вниз по склону, стреляя в отступавших из револьверов с двух рук. Остальные поддержали эту безумную атаку, опьяненные кровавым побоищем. Евдокии также пришлось поддержать атаку. Следом выскочил из укрытия и Пакин. Сопrotивления им почти никто не оказывал. Так, беспорядочно стреляли, отступая. Евдокия пару раз припала на колено и сняла из винтовки чекистов, пытавшихся организовать контратаку. Бандиты продвигались почти без потерь. Серый отбросил револьверы, подхватил с земли винтовку со штыком и пошел врукопашную, бил прикладом и колот штыком направо и налево. Раненых добивали на месте. Лишь немногие ускользнули от них в лес. Евдокия распорядилась беглецов не преследовать. Была велика опасность напороться на собственные ловушки. Остановившись, бандиты стали мародерствовать, снимали с убитых одежду, обувь, забирали оружие, деньги. Последних, правда, было немного, но никто не жаловался.

– Видишь, Дуся, проще пареной репы, – тяжело дыша, произнес Серый, остановившись перед атаманшей.

– Вижу, – буркнула Евдокия и зло поинтересовалась: – Ты почему ослушался приказа. Я же, по-моему, понятно все объяснила. Кто тебя просил в штыковую ходить?

– Хотел посмотреть, насколько мне фартит, – спокойно пояснил Серый.

– Дурак, – прошипела в ответ Евдокия, косясь по сторонам, – ты же мог погибнуть!

– Да брось ты, – беззаботно махнул рукой он и пошел прочь.

Местные, как обычно, снимали с врагов скальпы. Кучум склонился над телом командира отряда, посеченного околками. Быстро сделал надрез и одним движением сорвал кожу. А в следующее мгновение чекист внезапно открыл глаза и дико заорал. Кучум застыл от ужаса и не успел среагировать на нож в руке воскресшего. Лезвие вошло в живот охотника и двинулось вверх. Чекист вскочил, схватил за повод лошадь охотника, запрыгнул на нее и галопом помчался прочь. Вокруг не сразу сообразили, что происходит.

Евдокия среагировала первой, вскинула винтовку, но чекист уже скрылся за поворотом. Держась за ручку ножа, торчавшего из живота, Кучум сначала упал на колени, а потом завалился на бок и замер с остекленевшими глазами.

– Я его догоню, – рванулся было Серый к своей лошади.

– Не надо. Пускай едет. Все равно с такими ранами далеко не уйдет, – остановила его атаманша. – Надо уходить отсюда.

* * *

Когда стихла канонада вдали, Красин стал гадать, кто победил:

– Судя по тому, как быстро закончился бой, наши обрушились на бандитов внезапно, застали врасплох и разбили. Конечно, потери большие, но тут уж ничего не поделаешь. Я думал, что все будет намного хуже и придется возиться до завтра. Что бандиты будут долго отбиваться из укрытий и часть все равно сбежит.

– Не нравится мне все это, – пробормотал Трефилов, вглядываясь в горизонт. Начальника окрисполкома он почти не слушал. Сильно болело простреленное плечо. Сквозь повязку

проступила кровь. Трефилов даже предположил, что местные смачивают стрелы каким-то ядом, но потом отверг это предположение: слишком уж дико звучало.

– Интересно, когда они вернутся, – продолжал разглагольствовать Красин, привалившись спиной к стволу вековой ели, – мне тут дотемна сидеть не хочется. И раненные у нас. Уже двое умерли от кровопотери. В больницу надо.

– Тихо, – прошептал Трефилов, прислушиваясь. Ему послышался топот конских копыт.

– Гаврила, ты чего? – подскочил Красин, моментально бледнея. – Опять они, что ли, в лесу?

– Тихо, – повторил Трефилов настойчиво, поднялся с револьвером в руке, щелчком взвел курок и стал ждать, вперившись в дорогу, в ту сторону, откуда слышался топот копыт.

Всадник быстро приближался. Красин тоже услышал это и пробормотал:

– Гонит коня так, словно за ним черти бегут.

– Может, и бегут, – буркнул Трефилов отстраненно. Нервы начальника милиции были напряжены до предела. Предчувствия говорили ему, что хороших вестей ждать не стоит. Когда показался Тарасенко, он даже не узнал его. Лицо зам. начальника окротдела ОГПУ было сплошь залито кровью. Глаза дико вытаращены.

– Господи, – прошептал Красин, разглядев голову чекиста, и чуть было не перекрестился. Тарасенко осадил лошадь и буквально упал на руки подскочивших людей.

– Где остальные? – спросил у него дрогнувшим голосом Трефилов.

Глаза Тарасенко бессмысленно блуждали по сторонам. Потом он дико посмотрел на начальника милиции и выдал из себя:

– Мертвы.

– Как же так? – растерянно пролепетал Красин.

Чекист не ответил и закрыл глаза. Трефилов проверил пульс:

– Готов. – Затем опустил тело на землю.

– Как же так? – повторил Красин, не в силах поверить в услышанное.

– Да так, – ледяным тоном оборвал его Трефилов, – устроили засаду да побили всех. Застали врасплох. Надо уходить.

* * *

– Они давно должны были вернуться, – пробормотал Трубин и озадаченно посмотрел на часы.

– Не волнуйтесь, Виктор Геннадьевич, раз должны, значит вернутся, – подбодрил его Алексей, – возможно, информация о месте стоянки бандитов была не точной, и они прочесывали лес.

– Надеюсь, они там заночевать не собираются, – Трубин вздохнул и полез за папиросой.

В кабинет, осторожно постучавшись, заглянула секретарь – девушка лет восемнадцати, с длинной черной косой, скрученной на затылке и по-модному заколотой.

– Что, Аннушка? – ласково спросил у нее Трубин.

– Там к вам это... товарищ Кван пришел, – произнесла она с запинкой, сильно волнуясь. Было видно, что работает она в управлении ОГПУ недавно. Алексей, прищурившись, посмотрел на Трубина.

– Пусть проходит, – сказал тот секретарше, а Алексею пояснил: – Кван – командир отряда китайских добровольцев. Короче, обычные наемники. Нам послали их для помощи в усмирении беспорядков.

Алексей промолчал. Он не любил наемников. Задачи они решали эффективно, но грязно, тем более китайцы. Им было наплевать на жителей российской глубинки. Вооруженные по при-

казу наемники могли недрогнувшей рукой вырезать целое село подчистую. Бунтовать там, понятное дело, было уже некому. Только кому нужно пустое село...

Кван был среднего роста, крепкий, подвижный, с хитрыми узкими глазами-щелочками и лживой улыбкой. Одет в кожаный френч, галифе и начищенные до блеска хромовые сапоги. На его кожаной фуражке красовалась красная звезда, а на поясе болтался «маузер».

– Проходите, товарищ, – радушно поднялся навстречу гостю Трубин.

Кван решительно вошел, поздоровался, сел на стул рядом с Алексеем, и тот почувствовал густой запах лука и каких-то пряностей, исходивший от китайца.

– Как устроились? – поинтересовался Трубин, опустившись обратно в кресло.

– Отлично, – коротко ответил Кван. – Хотелось бы узнать, что нам делать надо?

– Работа для вас привычная, – стал объяснять Трубин, – люди в селах бунтуют, мешают заготавливать хлеб, не хотят вступать в колхозы, сотрудничают с бандитами, засевающими в горах, занимаются вредительством, порчей колхозного имущества. Следует найти зачинщиков, смутьянов, вредителей и расстрелять. Это все. По-моему, ничего сложного. Затем нам пришли списки на довыявление кулаков. Займетесь и этим.

– Да, не сложно, – сразу согласился Кван. Лицо его оставалось непроницаемым и бесстрастным, как у каменного изваяния.

– Сколько у вас людей? – осведомился Трубин, закуривая новую сигарету.

– Больше сотни, – ответил Кван, – сто два человека.

– Прекрасно, – повеселел Трубин, – проблем точно не будет. – И, указав на Алексея, добавил: – Товарищ Коновалов будет руководить операцией.

Кван кивнул ему. Алексей представился и тяжело вздохнул.

– Что вздыхаете? – улыбнулся Трубин, заметив реакцию ленинградского чекиста.

– Мне кажется, вначале надо разобраться с бандой, а потом уже умирять крестьян, – ответил Алексей, – иначе мы ничего не добьемся. Бандиты будут постоянно подливать масла в огонь, смущать людей, мешать работе колхозов, грабить поезда...

– Я в корне не согласен, – перебил его Трубин, – эти задачи надо решать совместно. Сначала взяться за жителей деревень, которые сотрудничают с бандитами, потом разобраться с бандитами и снова взяться за крестьян, которые не желают вступать в колхозы.

Алексей хотел возразить, но подумал, что в этом что-то есть, и промолчал.

– И, кстати, с бандой к этому времени уже, наверное, и без вас разобрались, – напомнил Трубин весело.

Внезапно дверь в кабинет распахнулась, и внутрь ввалилась бледная секретарша.

– Что стряслось? – напряженно спросил Трубин, видя ее состояние.

– Там Игорь Антонович. Его привезли, – дрожащим голосом пояснила Анна.

– То есть, как привезли? – не понял Трубин.

– Так, – проронила едва слышно девушка и, прислонившись к косяку, заплакала.

Потеснив ее, в комнату вошел грязный запыхавшийся Красин. На него было страшно смотреть. Одежда изорвана. Лицо – сплошные синяки да ссадины. Одно ухо прострелено и закрыто наспех сделанной повязкой.

– Павел Игнатьевич, что там у вас, черт побери, произошло?! Где Тарасенко?! – гневно воскликнул начальник окротдела ОГПУ, но в глазах его при этом непонимание и растерянность сменились страхом.

– Убили Игоря, – процедил сквозь зубы Красин, – я привез его тело. Там на улице. Дудницкий тоже убит. Трефилов ранен. Поехал к врачу. Его шатало, как пьяного. Еле доехал.

– Рассказывай все, – потребовал Трубин с дикими глазами.

– Да и рассказывать-то особо нечего, – опустил глаза Красин, – попали как кур в ошип. Они, видно, ждали нас и подготовились. Везде были расставлены ловушки и засады. И как только гады прознали?!

– Как прознали? – передразнил его Трубин. – Да вы же о секретности никакого представления не имеете. Устроили парад на площади. А я, дурак, послал вам Игоря, чтобы он привел вас в чувство. Только погубил парня.

– Я не мог предположить... – начал было Красин, но Трубин его зло перебил:

– А зря не могли... надо было мочь и предполагать! Нет ничего хуже, чем дурак с инициативой.

– Вы на что это намекаете? – обиделся Красин.

– А я не намекаю, – оскалился Трубин, – нету у меня такой привычки.

Красин сердито засопел.

– Сколько убитых? – спросил Трубин.

– Точно не знаю, – виновато буркнул начальник окрисполкома, не поднимая глаз, – человек семьдесят, может, восемьдесят. Кто-то, может, еще в лесу блуждает. Мы с Трефиловым привели назад двадцать человек. Почти все ранены.

– Уму непостижимо, – в бешенстве хлопнул по столу ладонью Трубин, – нет, вы только себе представьте! В голове не укладывается!

– Из какого источника вы получали оперативную информацию о банде? – спросил Алексей израненного партийного работника. По реакции он догадался, что слова для Красина были новыми.

– Чего? – переспросил он изумленно.

– Откуда вы узнали о местоположении банды, о ее численности, вооружении и тому подобном? – пояснил Алексей спокойно.

– А – а – а, – озадаченно протянул Красин, сообразив, что от него требуют, – один местный из села Сосновка. Он рассказал...

– Вы доверяете этому человеку? – Алексей держал взгляд собеседника, не давая тому ни на секунду расслабиться.

От этого вопроса Красин совсем скис, опустил глаза и буркнул едва слышно:

– Ну да, доверяю. Он ведь заинтересован.

– И чем вы его заинтересовали, – печально улыбнулся Алексей, заранее зная ответ, – деньги, верно?

– Ну да, деньги, – честно признался начальник окрисполкома, – и обещал, что мы не трошем его единоличное хозяйство.

– Почему он пошел на сотрудничество с вами? – продолжал давить Алексей. – Почему вы выбрали именно его?

– Ну, он доносил на односельчан. Сам ко мне пришел, когда раскулачивание началось. Он за деньги мать родную продаст. Я поговорил с ним и понял это. Решил использовать в своих целях. Это же для общего дела. – Красин поднял глаза на чекиста, и в них был вызов: – А что, не надо было? Прикажете вслепую работать! Мы тут все сидим как на пороховой бочке. Ошибешься, и конец. Я принимал меры, которые посчитал необходимыми. Я отвечаю за порученное мне дело перед партией и советским народом!

– А вы слышали о приказе ОГПУ № 108/65 от 8 марта 1931 года, – небрежно поинтересовался Алексей, – и о том, что 31 декабря 1930 года ВЦИК и СНК РСФСР упразднили своим постановлением НКВД РСФСР, а функции руководства милицией и уголовным розыском передали ОГПУ? Лишь ОГПУ имеет право заниматься привлечением классово близких пролетариату и крестьянству людей для выявления чуждых элементов и ведения оперативной работы. Сдается мне, товарищ Красин, что вы не своим делом занимаетесь.

– Я не своим? – глухо повторил начальник окрисполкома багровея. Его глаза превратились в узкие щелочки, и казалось, что какая-то сила разрывает его изнутри, стремится наружу. Однако Красин умел контролировать себя. Он отлично понимал, где находится, поэтому смог удержать гнев и необдуманные слова, готовые было сорваться с языка.

– Да, вы занялись не своим делом и наломали дров, – продолжал Алексей, понимая, что нажил себе смертельного врага. – Вы взрослый человек, поэтому должны понимать, что за это бывает. Уголовный кодекс – статья 113. Дискредитирование власти, т. е. совершение должностным лицом действий, хотя бы и не связанных с его служебными обязанностями, но явно подрывающих в глазах трудящихся достоинство и авторитет тех органов власти, представителем которых данное должностное лицо является, – лишение свободы на срок до двух лет. Статья 121. Разглашение, сообщение, передача или соби́рание в целях передачи должностным лицом сведений, не подлежащих оглашению, – лишение свободы на срок до трех лет. Акцентирую внимание – разглашение. Операция против банды должна была готовиться тайно, а вы практически оповестили бандитов о своем походе. Погибли люди.

– Вы что, собираетесь меня арестовать? – прошипел сквозь зубы Красин.

Алексей посмотрел на безмятежное лицо Трубина и спокойно ответил:

– Пока нет. Однако если вы продолжите в том же духе, исход будет печальным.

– Я сам едва не погиб, – играя желваками, произнес разъяренный Красин.

– По своей вине, – парировал Алексей.

– Так, предлагаю оставить обвинения и объединить усилия в борьбе с общим врагом, – счел нужным вклиниться в разговор Трубин. – Наши товарищи погибли... Нужно оповестить родственников. Я лично поеду к вдове Тарасенко...

Поздно вечером, когда Алексей вновь оказался в кабинете у Трубина, начальник окротдела ОГПУ похвалил его:

– Ловко ты Красина прижал. Он теперь и пикнуть не посмеет. А то вообразил о себе не пойми что.

– А что, на то есть причины? – поинтересовался Алексей, разглядывая пухлую папку, которую ему вручил начальник.

– У него большие связи наверху, вот и воображает себя местным божком, – пояснил Трубин. – Игорь пытался ему руки укоротить, но не получилось. Если хочешь добрый совет, то не нагнетай больше напряженность. Одернул его – молодец. Но в дальнейшем попытайся найти к нему подход и работать вместе. От этого будет больше пользы, чем от конфликтов. А связи наверху, они ведь не вечны. Придет и наш черед. Понимаешь мысль?

– Понимаю, – кивнул Алексей.

Трубин отпил чаю и указал на папку в руках чекиста:

– Там списки людей, подлежащих раскулачиванию и выселению. Все согласовано. Просмотри и реши сам, как проводить эту операцию. Все надо сделать быстро. Имущество выселяемых следует передать колхозам. Нужен четкий контроль за перераспределением всего. В деревнях поможет местное руководство, комитеты бедноты. Можно привлечь городскую ячейку Осодмила, но это уже в крайнем случае. Там у них одна молодежь. Сомневаюсь, что справятся. Вот наемники – другое дело.

– Если честно, то... – начал Алексей.

– Знаю, – жестом остановил его Трубин, – ситуация довольно щекотливая, поэтому я и поручаю операцию тебе. Будешь их контролировать, и все пройдет как по маслу.

– Легко сказать – как по маслу, – вздохнул Алексей.

– А чего ты хотел? Легкой жизни? – усмехнулся Трубин. – Здесь этого не будет. – Он сделал паузу и добавил: – Ожидаются большие проблемы с заготовкой зерновых. Это еще одна головная боль. Однако поделаться с этим ничего нельзя. В прошлом году был хороший урожай. В этом году квоты увеличили, но урожай будет намного меньше. Причин много, а главная – саботаж. Даже те, кто вступил в колхозы, перед этим распродали инвентарь, имущество, забили скот, работать не хотят, посеяли мало. Что осенью соберут – большой вопрос. Уже сейчас начался голод. Думаешь, почему люди в банды подались? Да потому, что жрать нечего. А будет

еще хуже. Чтобы выполнить план по заготовкам зерна, придется изъять более пятидесяти процентов урожая. Последствия – это недовольство крестьян, бунт, вредительство, рост преступности, и с этим придется бороться нам. ОГПУ края нужны ресурсы и люди, способные руководить. Если центр не поможет, то не знаю, что и будет.

– Да, невеселая картина, – поддакнул задумчивый Алексей. – Я, конечно, не силен в сельском хозяйстве, но, если сейчас голод и мы еще пятьдесят процентов урожая изымем, не перемрут ли на деревне вовсе? Тут и до людоедства недалеко.

– А что, предлагаешь сорвать планы по заготовке? – ехидно поинтересовался Трубин.

– Я ничего не предлагаю, а просто спрашиваю, чтобы понять для себя, – сердито буркнул Алексей.

– Думаю, ты сам все прекрасно понимаешь, – уклонился от прямого ответа Трубин, разминая пальцами папиросу. – Будет очень тяжело, но мы должны выстоять. Ты теперь мой заместитель, и мы вместе будем отвечать за все, что тут происходит.

– Значит, надо стараться, чтобы ничего такого не происходило, – заключил Алексей, помрачневший окончательно. Только сейчас он понял, куда его прислали и что ожидает впереди. Видно, руководство всерьез решило сделать его козлом отпущения.

– Давай теперь о главном, – предложил Трубин. Прикурив папиросу от зажигалки, он затащился, выпустил облачко дыма в потолок и уточнил, видя напряженный взгляд коллеги: – Я о банде. Вопрос требует безотлагательного решения.

– Я решу этот вопрос, – уверенно заявил Алексей.

– Как? – в голосе Трубина звучало недоверие.

– Своими методами, – ответил Алексей, – у меня есть предварительный план, но нужны уточнения. Завтра нужно собрать людей и выехать к логову бандитов. Подойдут и наемники. Отберу человек двадцать да возьму еще нескольких чекистов.

– Ты что, хочешь вот так и ударить по ним! Двадцать человек! Да тут две сотни надо – не меньше, – воскликнул с изумлением Трубин. – Они вас перебьют.

– Виктор Геннадьевич, у меня большой опыт в подобного рода операциях, – произнес Алексей, стараясь, чтобы слова звучали как можно убедительнее, – я работал как в Европе, так и в Средней Азии, уничтожал банды басмачей. Я знаю, как действовать, и не подведу. Доверьтесь и, главное, позвольте работать.

– Мы, кажется, на «ты» давно перешли, – напомнил ему Трубин, а затем, подумав, добавил: – Хорошо, работай, как знаешь.

* * *

Ночью в номере гостиницы Алексей листал списки «кулаков», владельцев единоличных хозяйств, иногда использовавших труд наемных батраков. Раскулачивать собирались даже тех, кто считался середняками. От фамилий пестрело в глазах. Некоторые из крестьян были преклонного возраста, и было понятно, почему они осенью и весной нанимали людей, чтобы обработать землю и собрать урожай. Высылать эту огромную массу людей предполагалось в специальные лагеря на север. Прошлые акции раскулачивания в районе прошли не совсем удачно. Половина «кулаков», не дожидаясь, когда за ними придут, бежали с семьями и имуществом в лес. Поэтому Красин придумал это «довывявление». Если так дальше пойдет, он и бедноту сельскую начнет раскулачивать, лишь бы план выполнить. План был утвержден президиумом Сибирского краевого исполкома, определены контрольные цифры выселения «кулацких хозяйств второй категории», но люди, которые это делали, не особенно задумывались о будущем. И зачем им задумываться, если есть спецстоловая. Людей предполагалось вывозить до железнодорожной станции обозами, оттуда до станции разгрузки в товарных вагонах, далее гужом до места расселения. В случае нехватки транспорта – вести гужом до места назначения

весь путь. Очередной идиотизм. Прошлогодний опыт показывал, что лишь малая часть переселяемых доживала до конца двух-трехнедельного маршрута, особенно гужом в зимнее время. Процент смертности при перевозке в неотапливаемых вагонах также был достаточно высок. Еще Алексей ясно себе представлял, сколько людей при таком массовом способе перевозки и из-за природных особенностей края сбежит в лес за две недели пути. Это будут новые банды, причем хлестче прежних. Они будут состоять из людей, загнанных в угол, которым нечего терять и нечего ждать от будущего. Почти три тысячи хозяйств предполагалось раскулачить по районам, потом раскулаченных перевезти на территории, где уже имелись комендатуры. Например, из Омского округа в Кулайскую комендатуру, из Барабинского в Шерстобитовскую комендатуру, а из районов Алтая в Галкинскую. Масштабы поражали воображение Алексея. Для расселения спецпереселенцев предназначалась территория почти всего Нарымского края. Спецпереселенцев решено было использовать на различных работах – земледелие, заготовка леса, строительство и тому подобное, но нигде не говорилось, как высылаемые хозяйства будут обеспечиваться «натуральными фондами» – продовольствием, семенами, кормами, инвентарем, чтобы заниматься этими самыми работами и элементарно выжить. Тысячи людей просто собирались вывезти и бросить в чистом поле в зиму, где их будет ожидать смерть от голода, холода и болезней. Не было вообще четкого различия между «кулацкими хозяйствами второй категории», предназначенными для выселения, и «кулацкими хозяйствами третьей категории», которых следовало расселять в местах проживания. Все документы, касающиеся этой темы, больше напоминали бред. Местное руководство, судя по всему, совсем спятило, если собиралось совершить такое. Он не будет участвовать в этом массовом убийстве.

Алексей решительно захлопнул папку и отодвинул от себя. Он представил, как приходит к Трубину и заявляет ему это все. Карьере, конечно, придет конец – да и хрен с ней. Другое дело, что его могут записать во враги народа. В последнее время это делалось слишком легко. А может, есть другой способ. Может, он сумеет остановить это безумие. Единственное препятствие – это Трубин, с руководством районов вопрос можно будет решить по старинке – кто не с нами, тот против нас... Начальник окрисполкома опасен, но и его можно будет свалить, если правильно разыграть партию. И никакие связи не помогут, коли сделать все как надо. На смену мрачному настроению и унынию пришло воодушевление. Алексей в возбуждении забегал по комнате гостиничного номера, продумывая детали предстоящей операции. Вначале надо разобраться с бандой. Эта победа будет козырем в его руках после провала Красина.

* * *

В тот час, когда Алексей укладывался спать в своем номере гостиницы, на окраине села Сосновка полыхали колхозные амбары. Пламя пожирало постройки, выбрасывая в небо снопы искр. Его багровые отблески освещали группу всадников, сгрудившихся у дороги и наблюдавших за делом рук своих.

– Хорошо горит, Колян, – заметил Серый, хлопнув по плечу друга.

– Да, знатный костер, – согласился тот, расчесывая пятерней рыжие вихры.

Серый повернулся и подозвал невысокого полного лысого мужчину в легкой суконной одежде из деревенских, что помогал им:

– Эй, Кырныш, поди сюда.

– Что? – испуганным голосом спросил мужчина и подъехал к нему. – Унху, ты что-то хотел от меня?

Унху на на языке манси означало – большой человек. Серому льстило, что его так называли, но внешне он никак этого не проявлял. Держался сдержанно и с достоинством.

– Покажи дома руководителей колхоза. Надо навестить их.

– Вы будете их убивать? – деловито поинтересовался Кырныш.

– Будем, – подтвердил Серый, проверяя винтовку.

– Только всех убивайте, никого не оставляйте, – попросил Кырныш, – иначе донесут они на меня. Заметят и донесут.

– Что, и детей тоже? – враждебно поинтересовался Колян.

– Всех.

– Да брось ты, – махнул рукой Серый, – кто тебя ночью-то узнает, темно ведь. Платок вон на морду намотай. А детей убивать мы не будем. И так грехов на душе полно лежит.

– Они вырастут и будут мстить за родителей, – горячо возразил Кырныш и зашептал, нагнетая страху: – Пройдет совсем немного лет, и они тоже станут коммунистами, потом найдут вас и убьют. Они не успокоятся, пока не отомстят. Так будет, я знаю. Я вижу вашу смерть. Кровь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.